

Борьба В.А. Вагнера против идеализма и механицизма.

Критику антропоморфизма («монизма сверху») и механицизма (монизма снизу) Вагнер начинает с прямого противопоставления научного мировоззрения мировоззрению теологическому и метафизическому.

К концу 19 и началу 20 столетия теология, сыграв определённую историческую роль, сходила с научной арены. Корни её окончательно были подорваны (вслед за Ламарком и Тревиранусом) эволюционной теорией И. Ларвина. Не останавливаясь подробно на перипетиях борьбы между идеализмом и материализмом, Вагнер настораживает на то, что «она еще не окончена», хотя наука к концу 19 века довольно чётко размежевалась от теологии. Этот рудимент средневековой схоластики был еще жив тогда. Достаточно вспомнить ту идейно-теоретическую борьбу, которая развернулась в психологической науке России к концу 19 столетия. Стержнем этой борьбы была рефлексорная теория Сеченова.

Полемика по проблемам психологии в те годы проходила как в стенах высших учебных заведений, так и на страницах периодической печати. В психологической дискуссии принимали участие люди самых разных профессий, сословий, вероисповедания и т.д.¹

К теологии подчас склонялись и люди, которым нельзя было отказать ни в уме, ни в таланте.²

Одним из таких учёных являлся, по Вагнеру, Фабр, крупный натуралист, автор замечательных трудов по описанию жизни животных, но впоследствии пришедший к богословскому выводу о том, что «никакой эволюции нет, что дарвинизм представляет сплошное заблуждение, и виды, ныне существующие, остались такими же, какими вышли из рук творца».³

Но если у Фабра отдельные его идеалистические положения растворялись в массе большого научного материала, то для иезуита Вассмана соображения эти являлись руководящими.

Открыто проповедуя теистическое мировоззрение, отрицая преемственную зависимость постепенного осложнения психики в зависимости от усложнения организаций животного, Вассман сделал попытку поколебать эволюционную теорию. Отказывая элементы разумных способностей даже высшим животным, зато он был не прочь наделить «интеллектом, индивидуальной инициативой, способностью и представлениям»⁴ муравьев.

Взгляды Вассмана и ему подобных на предмет сравнительной психологии представляют собой, по Вагнеру, «типический рудимент когда-то могущественной теологической философии»⁵, но «видоизменённой и приспособленной к данным современных биологических исследований».⁶ Поэтому попытка идеалистов подменить науку теологии, как справедливо считал учёный, тщетна, ибо «вера и наука идут к познанию истины своими путями и взаимная их проверка друг друга бесплодна».⁷

На смену теологии пришла метафизика, её «родная сестра в своём воззрении на душу, как самостоятельную сущность»⁸. Философской основой метафизики явился принцип Декарта о душе как «мыслящей субстанции».

На рубеже 19 и 20 веков метафизика, бывшая когда-то (17-18вв) кумиром, «окруженным тайною», в «святая святых» которой допускались только избранные, рушится под ударом новой силой. Что же это

¹ Об этом подробно см.:

а. Е.А.Будилова «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке» (Вторая половина 19- начало 20 в.), Изд. АН СССР, М., 1960 г.

б. А.В.Петровский «Об основных направлениях в русской психологии начала 20в.», в кн.: «Из истории русской психологии», Изд. АПН РСФСР, М., 1961г.

² В.А. Вагнер «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, стр. 4.

³ Цит. по В.А. Вагнеру. «Биопсихология», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, стр. 4-5.

⁴ Э. Вассман. «Интеллект и разумность в царстве животных», 1906 г., т. II, стр. 340-367.

⁵ В.А. Вагнер, Там же, стр. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ В.А. Вагнер. «Метафизика и наука», ж. «Научное обозрение», СПб, 1898 г., №9, стр. 16-17.

за сила? Таковой, по Вагнеру, явилась наука, правда, «ещё очень молодая, но уже с первых дней своего расцвета оказавшаяся такою могучею, что мимоходом, вовсе об этом не заботясь, а лишь слегка коснувшись того величественного храма, который был воздвигнут гением минувших поколений, потрясла его до основания».⁹

Как характерную особенность представителей этого направления в данный период Вагнер отмечает «попытки примирить метафизику с наукой, приспособляя её к добытым последнею истинам»,¹⁰ доказать отсутствие противоречия между методами науки и метафизики. Их аргументы сводились к тому, что и в науке есть представители, мыслящие аналогично метафизикам даже в таких сложных проблемах, как проблема о сущности вещей. (Например, учение Геккеля о душе атомов, одаренных чем-то вроде любви и ненависти друг к другу и т.д.). С другой стороны, метафизики считают необоснованным со стороны сторонников научного мышления обвинять их в «произвольно-субъективном творчестве», ибо творчество характерно и для людей науки.

Вагнер совершенно определенно считает, что «эти соображения бездоказательны, а примирение метафизики с наукой дело и невозможное и ненужное, а их аргументации в защиту тождества метафизики и науки недостаточно убедительным»,¹¹ ибо «различие между ними так глубоко и так существенно, что мы можем во всякое время без труда указать их даже тогда, когда они смешаны между собою».¹²

Далее. Вагнер считал, что если отдельные представители науки в поисках истины и допускают какие — то методологические погрешности (например, Геккель), то это не значит, «чтобы наука занималась бы метафизическими проблемами», а свидетельство того, что она не знает причин многих явлений, ибо «сущность вещей или субстанция, — как сказал впоследствии В.И. Ленин, относительны».¹³ Ошибки представителей естественно-научного направления (причем, это было типично для большинства из них) на рубеже 19 и 20 столетий выражают лишь дальнейшее «углубление человеческого познания объектов».¹⁴ С другой стороны, невероятные выводы многих естествоиспытателей можно расценить с современной точки зрения как не в не точном понимании ими диалектического материализма, что привело многих из них с лагеря стихийного материализма в лагерь идеализма. Это явление Ленин назвал в «Материализме и эмпириокритицизме» «физическим идеализмом».

В работе «Метафизика и наука» Вагнер метафизическому методу исследования, который, выражаясь словами Гегеля, «ищет истину в самой мысли», противопоставил метод научный, считавший «опыт единственным источником знаний».¹⁵

И творчество в науке, по Вагнеру, «не совсем то же, что творчество в метафизике; и гипотезы научные не тождественны гипотезам метафизическим».¹⁶

Если метафизик материал опытного знания заменяет «свободным полётом мыслей», то натуралист от накопленных фактов идёт к обобщениям, постоянно совершенствуя «орудие познания — органы чувств».¹⁷

Как типичный пример метафизического творчества В.А. Вагнер приводит известный из истории науки факт возникновения теории черепа Гете Окена, который, путешествуя по Гарцу, увидел у «своих ног прекрасный, чисто обелившимся череп оленя. Вдруг, как молния, блеснула у него мысль: это позвоночник! И с тех пор череп стал позвоночником».¹⁸

В.А. Вагнер неоднократно выступал против метафизических построений профессора Петербургского университета, яркого реакционера и врача материализма А.И. Введенского. Как известно, в своих философских выводах он выдвигал два рода гипотез: «механическую и органическую». «Для первой точкой отправления и опоры служит механическая необходимость, строгая законообразность, связывающая железным законом явления близкой к нам видимой действительности, для второй — точкой отправления являются

⁹ Там же.

¹⁰ В.А. Вагнер, там же.

¹¹ В.А. Вагнер, «Биопсихология», СПб, 1910-1913г.г., т. 1, стр. 9.

¹² В.А. Вагнер «Метафизика и наука», стр. 21.

¹³ В.И. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», соч. т. 18, изд. 5-ое, 1961 г., стр. 277.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 20.

¹⁶ Там же, стр. 22.

¹⁷ В.А. Вагнер «Биопсихология», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, стр. 19.

¹⁸ Там же, стр. 11.

запросы и постулаты нашего идеального самосознания, нашей внутренней свободы, которую мыслитель и проецирует вне себя и предполагает в основе мира и мирового процесса».¹⁹

К мыслям А. Введенского Вагнер подходил несколько критически: «Во-первых, построения, точкою отправления которых являются запросы идеального самосознания, высшей внутренней свободы, которую мыслитель проецирует вне себя», безусловно, по мнению ученого, антинаучны; что же касается, во — вторых, до того: «могут ли вообще иметь какое-нибудь значение построения такого рода», то В.А. Вагнер считает что «... истины храбрым полётом за облака не получишь, а вздор метафизического характера получить можно, и в этом именно и заключается коренное различие между творчеством в науке и метафизике».²⁰ И гипотезы «с изумительной храбростью и решительностью набросанные воспарившего за облака мыслью Шеллинга, лет через 20 превратились в мусор».²¹

Эти же мысли развивает Вагнер и в последующие годы. Особенно ценным для понимания принципиальных позиций ученого тех лет представляется статья «Герцен как натуралист» (1914г.), посвященная анализу одного из «Писем по изучению природы», а именно, «Эмпиризм и идеализм», получившего высокую оценку В.И. Ленина.²²

Вагнер вскрыл смысл борьбы Герцена как против ученых (шеллингистов), пренебрегавших фактами, так и против тех, которые относились к своему предмету «совершенно эмпирически, страдательно», лишь наблюдая его.

Ошибочность позиций как философского идеализма, которым «собственно для естествознания ничего не сделал», так и эмпиризма прозорливо увидели в ту эпоху, как считал Вагнер, только два великих мыслителя — Герцен и Гете. Критикуя тех «патентованных ученых», которые в науке ценят только факты, забывая какую глубокую ошибку они совершают, отвергая научную мысль, Вагнер писал: «Факты изменяются в зависимости от теорий и в связи с ними».²³

Факты описывали Линей, описывали факты Бюффон и Ламарк, у каждого из них они преломлялись по-разному, в зависимости от научного уровня эпохи, философских позиций учёного. «Для понимания их... нужно... уметь пользоваться философскими методами наведения, нужно помнить, что рядом с расчленением науки, необходимы в интересах не познания истины, а приёмов и методов изучения, существует высокий научный монизм, о котором писал Герцен».²⁴

Сам Вагнер высоко ценил факты, и его замечательные исследования по вопросам сравнительной психологии свидетельствуют, как он умел их извлекать из окружающей среды осмысливать, озаряя их светом обобщений, порой поднимающих его до высшего научного монизма. (Там ученый характеризовал философский материализм Герцена).

Научный период в истории сравнительной психологии характеризуется по Вагнеру — борьбой двух противоположных школ: антропоморфизма («монизма сверху») и механицизма («монизма снизу»), которые, по словам Д.Н. Кашкарова, в зависимости от уровня развития науки или тех или иных исторических обстоятельств, «триумфируют по очереди».

Как могло случиться, что сравнительная психология после Ламарка, заняв определённое место в цикле биологических наук, с которыми её связывало решение одного из важнейших проблем — проблемы о происхождении видов, - отодвинув назад всё ценное предшествующее наследие, уступила место идеализму и механицизму? Вагнер к этому вопросу подходит глубоко исторически. В течение всего 19 столетия в связи с потребностями промышленного капитализма перед наукой (особенно физикой, математикой, химией) выдвигается проблемы, связанные с электричеством, теплотой, механической работой. Наряду с частными законами открывались более широкие и общие законы природы, отражавшие идеи о всеобщей взаимосвязи явлений действительности. Среди них Вагнер отмечал закон сохранения вещества. Лавуазье и закон сохранения энергии Мейера, которые явились естественнонаучной основой механического материализма. Представители этого философского направления отрицали качественное многообразие мира, сводя его лишь к количественным различиям; высшие формы движения к механическим, целое — к простой единице составляющих частей. Жизнедеятельность растительных и животных организмов ими сводилась

¹⁹ А.И. Введенский. «О задачах современной философии», ж. «Вопросы философии и психологии», кн. 5. 1893 г. стр. 136.

²⁰ В.А. Вагнер, «Метафизика и наука», ж. «Образование», 1898 г., № 9, стр. 26.

²¹ Там же.

²² См. газету «Социал-демократ», май, 1912г.

²³ В.А. Вагнер «Герцен как натуралист», «Вестник Европы», 1914г., № 9, стр. 204.

²⁴ Там же.

к чисто механическим процессам. Механицизм проникал и в сравнительную психологию. Но современный уровень её развития, по Вагнеру, таково, что не позволяет делать ей столь широкие обобщения, к которой склонны механицисты. «Для этого у неё нет многих членом того алгебраического уравнения, которым она должна быть выражена».²⁵ Поэтому, пишет учёный: « нам предстоит не синтез, не обобщения на принципах внешнего порядка, а разделение и анализ ..., время общей формулы ещё не пришло».²⁶ Для этого сравнительная психология не располагала тогда ни «надлежащим научным материалом, как в количественном, так и качественном смысле, ни научно установленным методом».²⁷ В этот период не нашли адекватного решения и многие теоретические проблемы, в частности, психофизическая проблема и проблема антропогенеза. Это был период крайне грубых, тенденциозных попыток свести всё многообразие психических проявлений к какой-нибудь общей механической формуле, по возможности стирающей качественные грани между ними.

Такой явилась, по мнению Вагнера, формула, по которой психика человека и животного признавались явлениями существенно тождественными. Что же касается до свойств этих явлений, их характера, то по этому вопросу мнения разделились на две школы. Одна из них в оценке психики животных исходила из человека, наделяя весь животный мир, до инфузорий включительно, сознанием, волею, разумом. Это монизм «сверху» (*ad hominem*), у другой, наоборот, не животные наделяются психическими способностями человека, а человек сводится на степень животного. Это монизм «от простейших», или монизм «снизу».

Последнее десятилетия в развитии сравнительной психологии Вагнер характеризует как историю борьбы двух этих направлений «на пепелищах которой возникает вполне объективное, чуждое сторонним влияниям, направление, со своим собственным методом и биологическим материалом, ищущее своих специальных законов в области явлений сравнительной психологии».²⁸ Первым возникает антропоморфизм. Его истоки, как правило, связывают с появлением дарвиновского учения. На самом деле, по Вагнеру, антропоморфизм появился гораздо раньше, чем учение Дарвина, причины его возникновения сложнее, чем привыкли считать отдельные его критики.

Не имея достаточно фактов, объективного метода исследования, находясь в плену идеалистической философии, ученые естествоиспытатели в 19 веке оказались перед исторической необходимостью трактовать действия животных (порой удивительно целесообразной), исходя из аналогии с психикой людей. «Совершенство» инстинктов вводило их в тупик. Даже великий Ламарк сомневался в том, что удивительная целесообразность инстинктов дело рук одной лишь природы, а «не всякого рода чудес».²⁹

А вот что писал родоначальник позитивизма Огюст Конт:

«Утверждать, что животные имеют инстинкт, а люди ум, почти то же, что видеть отличие человека от животных в том, что животные имеют 4 ноги, а люди две руки и две ноги. Доказать гомологию рук и ног не труднее, чем вывести такое же отношение между разумом и инстинктом».³⁰ Ошибочность утверждений Конта легко заметить, если вспомнить слова Ф. Энгельса о том, что «рука является не только органом труда, но также его продукт».³¹

Антропоморфические высказывания до Дарвина можно было встретить и у некоторых представителей материалистической мысли, которые, борясь за единство природы человека и животного, вынужденно прибегая к их аналогиям, из-за недостатка конкретных биологических данных, отсутствия диалектического подхода к явлениям природы, чисто переступали допускаемые грани сравнений. Но тогда это было более научно, чем после Дарвина.

Вот что пишет Чернышевский в работе «Антропоморфический принцип в философии» писал:

«Говорят, будто бы животные не рассуждают, — это чистый вздор. Вы поднимаете палку на собаку, собака поджимает хвост и бежит от вас. От чего это? Оттого, что у неё в голове построился следующий силогизм: когда меня бьют палкой, мне бывает неприятно; этот человек хочет побить меня палкой, итак, удаляюсь от него, чтобы не получить болезненного ощущения от палки».³²

²⁵ В.А. Вагнер. «Биопсихология и смежные науки», Петроград 1923 г., стр. 3.

²⁶ В.А. Вагнер. «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1 стр. 32.

²⁷ В.А. Вагнер. «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, стр. 31.

²⁸ Там же, стр. 41.

²⁹ См. Ламарк, «Философия зоологии», 1935 г., т. 1.

³⁰ «Родоначальники позитивизма», СПб, 1910-1913 г., т. 2, стр. 22.

³¹ Ф. Энгельс «Диалектика природы». Господитиздат, 1949г., стр. 133.

³² Н.Г. Чернышевский. «Антропологический принцип в философии», Госиздат, 1944 г., стр. 67.

Антропоморфизм вновь расцветает после Дарвина, давшего ему «фактический материал и поддержку большого научного авторитета»³³, теория которого совершила величайший переворот, в науке, навсегда рассеяв иллюзии теологов о планомерности, установленный Высшим Разумом, *cleb* «целесообразность природы с её конечными, извне поставленными целями — к приспособляемости организмов».³⁴

По-разному встретили учение великого эволюциониста на Западе и в России. Распространение дарвинизма в Западной Европе совпало с периодом политической реакции, наступившей после Парижской Коммуны. В этих условиях он мог только лишь подготовить, по словам К.А. Тимирязева, почву для «философского позитивизма» и нищестанства. У нас же дарвинизм был встречен передовой общественной мыслью восторженно, как один из признаков наступления новой эры. Особенно тёплый, отклик, горячую поддержку и защиту эволюционная теория нашла в лице передовых биологов и зоологов, куда относятся К.А. Тимирязев, В.А. Вагнер, Холодковский, Шимкевич и многие другие.

В борьбе против своих идейных врагов дарвинизм вышел победителем, но не безупречным в своём научном достоинстве, вследствие преувеличений, «вследствие чрезмерной прямолинейности его последователей».³⁵

Нельзя сказать, по мнению Вагнера, что сам Дарвин не давал повода антропоморфическим увлечениям своих учеников. «Достаточно вспомнить, — говорит Вагнер, — что он, ссылаясь на профессора Браубаха, утверждавшего, например, что собаки смотрят на человека, как на бога, признает это заключение основательным; или, ссылаясь на Гюберта, который сам видел, как один муравей делал другому выговор за небрежное исполнение обязанностей, находит подобные заключения справедливыми».³⁶

Было бы, однако, по Вагнеру, крайне несправедливо приписывать Дарвину основную вину в этих преувеличениях. Вот что он писал по этому поводу во введении своей работы «Городская ласточка» (1900 г.): «Когда учение о генетической связи организмов трудами лучшие натуралистов второй половины 19 века из области гипотез превратилось в научно-установленный тезис, тогда сопротивление, встретившее этот тезис, должно было отступить перед данными морфологии, эмбриологии и палеонтологии, — тогда идея о возможности оценивать психику животных законами нашего духа и о полной аналогии их действий с действиями человека представляла собой шаг бесспорного прогресса, сравнительная психология, таким образом, вводилась в общий цикл научного знания».³⁷ Антропоморфизм, как было выше сказано, уходил своими корнями в далекое прошлое. Достаточно вспомнить, что христианство, сохранив рабство, смотрело на раба как на «не совсем человека» (по Марксу), как на «одаренное речью орудие труда».³⁸ Потом, в период, когда учение Дарвина вышло на научную арену, было широко распространено явление, так называемое лекантропией, как следствие неправильного восприятия средневекового схоластического учения Платона о переселении душ и об ответственности животных за свои действия. Люди воображали, что они звери, вооружённые страшными когтями, ползали на четвереньках и уносили падаль. Устойчиво в сознании людей, несмотря на влияние томизма, держалось убеждение о разумности животных. Над ними устраивали всевозможные судебные процессы, на которых им, как людям, приходилось держать ответ перед законом и церковью.³⁹

Крайне антропоморфические суждения высказывали и ряд крупных натуралистов, особенно физиологи и психофизики (например, Фехнер).

Можно ли в этих условиях удивляться тому, что Дарвин, не вполне ещё освобождённый от влияния «естественного богословия», самостоятельно изучавшего лишь инстинкты беспозвоночных, а во всём остальном полагавшегося на «добросовестность наблюдателей», несколько переоценивал психику животных.

И если, по мнению Вагнера, эти ошибки исторически неизбежны для великого эволюциониста, создавшего учение о единстве органического мира, тем самым перебросив мост от животных к человеку, то совсем не простительно для его последователей. Здесь и источники антропоморфизма иные, чем у Дарвина. Если ошибки второго Вагнер относит к ошибкам роста, поисков новых путей к познанию истины, то у последователей Дарвина — болезнь загнивания, воинствующие попытки возродить старый идеализм.

³³ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 1, стр. 42.

³⁴ В.А. Вагнер, Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ В.А. Вагнер, «Биопсихология», СПб, 1910 г., т. 1, стр. 4-4.

³⁷ В.А. Вагнер, «Городская ласточка», СПб, 1900 г., введение, стр. 1.

³⁸ К. Маркс. «Капитал», Госполитиздат, т. 1, 1923 г., стр. 168.

³⁹ В этом отношении интересный материал можно найти в книге Я. Конторовича «Процессы против животных в средние века». СПб, 1897г.

Достаточно вспомнить труды Фоминицына у нас в России, который, основываясь на идее физиологического идеализма и неокантианства, считал возможным изучить мир «субъективным методом», отвергал нервный субстрат психики и считал возможным утверждать вместе с Фехнером присутствие психики не только у простейших животных, но и у всех представителей растительного царства.⁴⁰

Родившись в Германии на базе сближения философии Гегеля и Канта, антропоморфизм распространился по всей Европе, в частности во Франции, где его особенно настойчиво пропагандировал Франсе. Вот что писал последний: «Все, что наблюдается у живого существа, можно обнаружить у растений: движение, ощущение, резкую реакцию на грубое вторжение и глубокую благодарность за благодеяние, если только мы уделим достаточно времени, чтобы с любовным терпением дожидаться нежных и тонких движений их грациозных и мягких ответов на наши бурные запросы».⁴¹

Немецкий учёный Л. Ферборн (впоследствии отошедший от антропоморфизма к механицизму) прекрасно иллюстрирует суть антропоморфизма: «... с нашей точки зрения непрерывность в развитии животных требует также и непрерывности в развитии души, а вместе с тем и существование психики в зародышевой форме у простейших организмов».⁴²

Свой метод аналогии психики животных с психикой человека антропоморфисты сами называли субъективным, но считали его неизбежным; факты истолковывались ими совершенно произвольно, «беря на выдержку», как говорил В.А. Вагнер.

Антропоморфизм нашел благодарную почву для развития своих идей и в клеточной физиологии, и в принципах сохранения вещества и энергии. Так, например, Геккель, крупный дарвинист, признавал одушевлённость свойства атомов. Принципы энергетике заставляли Геккеля рассуждать примерно так: если собака состоит из атомов, то и психика собаки составляется из психики атомов. Ферворн психические процессы простейших отождествлял с молекулярными явлениями и рассматривал их как переходное звено между химическими процессами в неорганической природе и душевной жизнью животных.

Все сказанное даёт право вместе с Вагнером утверждать: «... все эти соображения представляют сплошной антропоморфический вздор, попытку подкопаться под теорию эволюции».⁴³

Роменс и другие ультра-дарвинисты в очеловечивании животных пошли ещё дальше. В их лице антропоморфизм нашел принципиальных защитников. Вассман считал, что инстинкты, если они и развиты, как высшие психические процессы, то богаче всех представлены у муравьев, значительно беднее у рыб и птиц. Значит, по Вассману следует, что муравей на эволюционной лестнице стоит выше рыб и птиц. Отсюда, по его мнению, схема эволюции нарушается и гипотезы дарвинистов о постепенном развитии живой природы произвольна и необоснованна. Эта дискредитация трансформизма, по Вагнеру, нужна была Вассману и ему подобным, чтобы «поставишь его на службу догме творения, эволюции же отводя лишь вспомогательную роль — завершить то, что не доделал бог».⁴⁴

Несмотря на очевидную вздорность конечных выводов антропоморфизма, Романс писал тогда: «Метод оценки деятельности животных по аналогии с соответствующей деятельностью человека скептику может показаться неудовлетворительным, так как он основан не на прямом знании, а на выводе; здесь достаточно будет указать, что это единственный пригодный критерий».⁴⁵

А раз так, — продолжает дальше автор, — «то здравый смысл всегда, и не колеблясь, должен сделать тот вывод, что действия других организмов, если они аналогичны тем действиям нашего собственного организма, про которые мы знаем, что они сопровождаются известными умственными состояниями, — сопровождаются и у других подобными же умственными состояниями».⁴⁶

Отстаивая субъективный метод исследования, сам Роменс рекомендует пользоваться им осторожно, ибо «вся организация такого существа, как муравей или пчела, настолько отличается от человеческой, что

⁴⁰ См. предисловие его работы «Естествознание и психология».

⁴¹ Франсе, «Душа растений», 1905 г., стр. 11-12.

⁴² Л. Ферборн «Речи и доклады», М., 1910 г., стр. 122.

⁴³ В.А. Вагнер. «Биопсихология», т. 1, стр. 46.

⁴⁴ В.А. Вагнер, там же, стр. 48.

⁴⁵ Ж. Роменс, «Ум животных», СПб, 1888 г., стр. 6.

⁴⁶ Там же.

является вопрос, насколько в деле заключения о присутствии субъективных состояний можно положиться на аналогию действий насекомого с человеческими действиями». ⁴⁷

Поучительно и то, что Вундт, тот же антропоморфист, считая субъективный метод, как и Ромене, «единственно важным и верным», книгу второго «Ум животных» считал переполненной «охотничьими рассказами, не имеющими никакой ценности». ⁴⁸

Разобрав несколько примеров, взятых из книги Роменса, Вагнер признал всю «негодность и ненаучность» выводов, сделанных автором. ⁴⁹ На его восхищение по поводу поведения бобров «поистине изумительно, что животные могут предпринимать такие обширные архитектурные сооружения о явно обдуманной целью обеспечить себе такими, в высшей степени искусственными средствами, известные специальные удобства», что «действия бобров результат или разумной оценки выгод, вытекающих из их сооружений, или понимание законов гидростатика, на которых эти сооружения несомненно основаны», ⁵⁰ Вагнер напоминает ему классический опыт Кювье, приводящий единственно «правильному выводу, а именно, что в строительстве бобров, почти всё, по крайней мере важнейшее, составляют инстинкты, т.е. акты бессознательные». ⁵¹

Бобрёнок, вскормленный молоком женщины, впоследствии проявлял все инстинкты его предков: сдирал кору с ивовых веток, разгрызал их на кусочки, складывал их в угол и т.д.

То же можно сказать, по Вагнеру, и о поведении птиц.

Антропоморфист Уоллес в некотором разнообразии строительной деятельности ласточек усматривал проявление их ума. В статье «Философия птичьих гнезд» он писал: «Нет сомнения, что птицы разнообразят и улучшают свои гнёзда под влиянием тех же самых причин, которые побуждают и человека улучшать свои постройки», ⁵² и что у молодых птиц гнезда менее совершенны, чем у старых.

Вагнер с этим не согласен: во-первых, потому, что при внимательном исследовании гнёзд, по его мнению, они не так уж разнообразны, как это представляют Уоллес и его последователи; между ними есть переходные формы, что свидетельствует об их филогенетическом единстве гнезда и городских, и деревенских ласточек «представляют собой длинный ряд форм, на одном конце которого находятся относительно глубокие, близкие к четверти шара, а на другом конце — представляющие почти плоскую форму с немного приподнятыми, как в неглубоком блюде, краями». ⁵³ А что касается некоторых индивидуальных отклонений, то это Вагнер объясняет «колебаниями видового стереотипа поведения», которой шаблон для вида, но индивидуален для особи. Уоллес, по Вагнеру, не учёл и того, что «уклонения эти касаются не основного характера архитектуры постройки, а тех или других частных частей, причём изменения этих частных частей совершаются без всякого плана и без всякой взаимной связи». ⁵⁴ На вопрос своего оппонента «чем же объяснить, что старые особи делают гнезда совершеннее молодых?», — Вагнер отвечает: «Исследование над гнездостроением ласточек доказывают, что случаи меньшего совершенства гнезда являются отнюдь не следствием того, что они строились молодыми птицами, а скорее следствием неудачного выбора гнездового места тою или другою парю птиц». ⁵⁵

Вагнер обращает внимание и на тот факт, что у «строителей» гнезда совершенно отсутствует представление о результатах своей деятельности: ласточка более двух месяцев могла строить стену величиной с аршин без всякого внутреннего оформления, или надстраивать к ней совершенно излишние детали. ⁵⁶

Поэтому естественно, что Вагнер не мог согласиться с мыслью Уоллеса о том, что старые птицы в своей деятельности «умнее молодых». В этом отношении ученый полностью примыкал к мнению крупного орнитолога тех лет, противника антропоморфизма, Альтума, считавшего, что «птичье гнездо-настоящее искусство природы, а вовсе не создание искусства». ⁵⁷ Против идеалистических суждений Роменса об уме

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Вундт, «Душа человека и животных», 1894 г., стр. 350.

⁴⁹ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 1, стр. 131-134.

⁵⁰ Ж. Роменс «Ум животных», в переводе Холодковского, СПб, 1888 г., стр. 384.

⁵¹ В.А. Вагнер. «Биопсихология», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, стр. 57.

⁵² А.Р. Уоллес, «Естественный подбор», перевод Н.В. Вагнера, П. 1878 г., стр. 232.

⁵³ В.А. Вагнер, там же, стр. 64.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. В.А. Вагнер «Городская ласточка», СПб, 1900, Записки Имп. Акад. Наук, VIII серия по физ.-мат. отдел., т. X, № 6.

⁵⁷ A elum «Der Vogel und sein Yeben», 1903 г., стр. 158.

ниших животных, наподобие: «кто наблюдал за движениями инфузорий, не мог не быть уверенным в том, что действиями этих маленьких животных руководит известная доля ума»⁵⁸, или, что «зародыш инстинкта замечаются в самом низу животной скалы, а именно у корненожек»⁵⁹, последовала целая серия исследований Вагнера по поведению обезглавленных (в основном, беспозвоночных) животных. В его опытах их поведение во многих случаях почти не отличалось от поведения нормальных животных: они находили путь к объекту, точно направляли защитные удары, обходили препятствие и т.д.⁶⁰ Так, например, таракан, лущенный головы, реагировал на раздражение пинцетом (выдерживал лапку), обезглавленный комар расставлял крылья и летел и т.д. Причину этого явления Вагнер предполагал в том, «что данный акт представляет не психологически обобщенное целое, а сумму действий большего или меньшего числа сегментов, иногда способных совершить определённую группу актов в точно определенном порядке — независимо и без всякого отношения друг к другу».⁶¹

Веско и остроумно Вагнер критиковал доводы антропоморфистов о способности животных «разговаривать», «обмениваться мнениями». Об этом писалось в тот период очень много.

Вундт говорил по этому поводу следующее: «... нельзя не видеть размышления в том, что когда жук (приутайка-пилюля) не в состоянии сдвинуть с места приготовленный им навозный шарик (для яйца), то на помощь ему спешат другие, что доказывает, что жуки, приходящие на помощь, способны познавать препятствия и рассудить, что совокупные усилия приводят к лучшим результатам, нежели отдельные».⁶²

Пуше рассказывает о наблюдениях какого-то неизвестного художника о способности жуков «обмениваться мнениями», «обращаться за помощью», одним словом «общаться» на языке, нам неизвестном.

Казалось бы, что прежде чем делать такие выводы, следовало задаться вопросом: кто собственно наблюдая тот факт, который послужил основанием для этих выводов? Но вопрос этот никем из споривших писателей поднят не был, и надо очень долго разыскивать имя того, кем было сделано наблюдение, о котором идёт речь, чтобы в конце концов узнать, что этим наблюдателем был какой — то никому неизвестный, но очень «правдивый — немецкий художник», — писал Вагнер. «Нет ни малейшего сомнения, — продолжает далее ученый, — что если бы сообщение художника не являлось подтверждением заранее составленного натуралистом ответа, ни Вундт, ни Пуше никогда бы им не воспользовался в качестве аргумента».

И, естественно, более трезвый, настоящий натуралист прежде чем предаваться таким умозрениям, по мнению Вагнера, задался бы вопросом: «... если факт, сообщенный Пуше и ему подобными, действительно имел место, то почему же ни одному натуралисту не пришлось быть свидетелем такого изумительного явления? Почему этих пресловутых героев, если они действительно способны вести переговоры и помогать друг другу в затруднительных случаях, нельзя вызвать на такие переговоры искусственно? Почему опыты в этом направлении **никогда** не приводили к ожидаемым результатам, и случаю, которому свидетелем пришлось быть художнику, не суждено повторяться никогда больше? А потому, задавшись этими вопросами, натуралисты, авторитет которых в области биологических вопросов несколько не меньше авторитета Пуше и Вундта, должны были придти к заключению, что вся эта история с разговаривающими жуками не более как анекдот».⁶³

То же самое и с выводами об умственных способностях муравьев, ос, шмелей и т.д. Руководствуясь тем же субъективным методом, исходя из аналогии их психики с психикой человека, учёные приходят, как считал Вагнер, к «крайне неверным выводам». Достаточно вспомнить утверждение Дарвина, который, ссылаясь на Губерта, исследователя, «в осмотренности которого, говорит он, „никто, конечно не усомнился“, говорил о „прекрасной памяти“, „личном узнавании“, об „обмене мнениями у муравьёв“ и т.д.»⁶⁴

Или утверждения Эспинаса о «разделении труда», «взаимной любви и уважении» у тех же муравьев, об «этике муравьиных общин», о «муравьях-скотоводах, земледельцах, садоводах»⁶⁵ и т.д.

⁵⁸ Роменс «Ум животных», 1892 г., стр. 19.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. работы В.А. Вагнера:

а. «Вопросы зоопсихологии», 1895 г., стр. 104-105.

б. «Сегментарная психология».

⁶¹ В.А. Вагнер, «Вопросы зоопсихологии», 1895 г., стр. 104-106.

⁶² Вундт, «Душа человека и животных», 1865 г., стр. 547.

⁶³ Ч. Дарвин. «Происхождение видов», т. 1, стр. 417.

⁶⁴ В.А. Вагнер, «Вопросы зоопсихологии», 1893 г., стр. 9-11.

⁶⁵ П. Бюхнер. «Психическая жизнь животных», СПб, 1902 г., стр. 391. (перевод с немецкого М. Успенской).

А антропоморфист эспинас пчёл ставил в пример и образец «не только в государственном, но и в личном отношении». «Где же ещё найдём мы столько добродетелей, прилежания и самопожертвования в связи с такою скромностью и простотой?»⁶⁶ — патетически восклицал он. Горячую речь по этому поводу В.А. Вагнер произнёс на 4-ом международном зоологическом конгрессе в Берне (1904 г.).

«Идёт речь об инстинктах рабства, его возникновении, развитии и последствиях: биологи решают вопрос на основании инстинкта рабства у муравьев. Заходит ли речь о монархиях или республиках, эти биологи решают вопрос на основании монархии пчелиного улья, сопоставляя его с республиканской формой правления в муравейных кучах, и дело считают бесспорно решенным. Так же просто и так же убедительно решаются вопросы об индивидуальности и ее отношении к коллективу о семье в прошлом, настоящем и будущем, о значении этики в истории культуры.»

«Дарвин предостерегал исследователей от возможностей впасть в ошибку, если они будут сравнивать действия высших животных, особенно человека, с действиями животных низших, так как первые из них основаны на воспоминании прошедших событий, на дальневидности рассудка и воображения, вторые, хоть и совершенно сходны с первыми, бывают, однако, инстинктами, т. е. бессознательными.»

«Но где, — спрашивает Вагнер, — где средства избежать подобных ошибок на почве субъективного метода, когда сам же Дарвин объясняет психическую природу того или другого акта в жизни низших животных именно путём аналогии с деятельностью человека? Где критерий для того, чтобы в каждом данном случае точно определить границу, до которой такие аналогии возможны и за которыми они превращаются в метафизику? Такого критерия нет, да при субъективном методе исследования едва ли он и возможен».⁶⁷ Но более всего критика Вагнера направлена против принципиальных защитников антропоморфизма, в частности, Э. Вассмана, который к психологическим произведениям «какого-нибудь Брема или Бюхнера» относился с нескрываемым высокомерием и не мог скрыть негодования по поводу того, что они ввели в науку сплошной антропоморфизм, который превратил ее в «собрание анекдотов». В статье «Инстинкт и разум» он писал: «Эти господа мысленно переносят себя на место животного и затем простодушнейшим образом вычитывают свои же собственные мысли в психической деятельности последнего».⁶⁸

Что же он предлагает на место «осуждённого» им антропоморфизма? Ничего, по Вагнеру, ибо «сам-то Вассман представляет собою такого же сторонника субъективного метода, как и осуждаемые им Брема и Бюхнеры».⁶⁹

Правда, Вассман требует не очеловечивания психики животных, а «ясного психологического анализа». Но, по Вагнеру, «это тот же излюбленный и простой способ описания и суждения *ad hominem*, т.е. тот же субъективный метод».⁷⁰

Вот что мы читаем в работе Вассмана: «Возможно ли сравнительная психология?»: «Закономерная причинная связь между психологическими и физиологическими процессами не только возможно, но и существует в действительности. Но так как каждый человек фактически находит эту связь в самом себе, то он вынужден логически принять её и у других людей. Если же мы принимаем её у человека во всей совокупности, то мы должны принять её и у тех животных, которые обладают сходно построенными органами чувств и реагируют на соответствующие чувственные раздражения подобным же образом, как и мы. Этим, полагаю, в сравнительной психологии ясно доказана не только законность, но даже логическая необходимость применения заключения по аналогии. Если же просто-напросто отказаться от заключения по аналогии, то нельзя более утверждать, что другие люди видят, слышат, осязают и т.д., но это было бы совершенно неприемлемым скептицизмом».⁷¹ «Поэтому ключей для научного понимания душевной жизни должно служить сравнение этой жизни с человеческой душевной жизнью»,⁷² — продолжает автор.

Не обладая способностью непосредственного проникновения в психическую жизнь животных, человек о ней должен, по Вассману, судить, сравнивая её «с собственными проявлениями, внутренние причины которые он знает из своего самосознания».⁷³ Но Вассман вносит некоторые коррективы в метод Брема в

⁶⁶ См. Эспинас, «Социальная жизнь животных», перевод с французского Ф. Павленкова, 1882 г., стр.

⁶⁷ В.А. Вагнер. «Вопросы зоопсихологии», СПб, 1896 г., стр. 31.

⁶⁸ Э. Вассман, «Инстинкт и разум», 1899г., стр. 3.

⁶⁹ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 1, стр. 135.

⁷⁰ В.А. Вагнер, Там же.

⁷¹ Э. Вассман «Возможна ли сравнительная психология», в кн.: «Итоги сравнительной психологии». СПб, 1906 г., стр. 269.

⁷² Вассман «Инстинкт и разум», в кн. «Итоги сравнительной психологии», СПб, 1906 г., стр. 9.

⁷³ Там же, стр. 10.

Бюхнера. Во-первых, он призывает к осторожности при аналогиях, ибо «со стороны очеловечивания животной жизни сплошь да рядом допускают злоупотребления заключениями по аналогии с человеком, благодаря скороспелому и нелогичному применению его».⁷⁴

Но как этого избежать? Выход, по Васеману, один — «держаться середины между крайностями». Содержание же этой «середины» Васеман не определил.

Второй корректив: сравнивать данную группу животных не с человеком непосредственно, а с какой-либо любой группой, взятой на выдержку. Следуя этому принципу, Васеман строительную деятельность муравьев сопоставлял с деятельностью птиц, млекопитающих, прихода «к абсурдному», по Вагнеру, выводу, «что муравей по своим строительным способностям выше и тех, и других».⁷⁵ И Вагнер прав, утверждая, что «ни теория Роменса, ни коррективы Васемана не доказали научности субъективного метода».⁷⁶

Вагнер правильно рассчитал, что антропоморфизм — явление преходящее, которое, сыграв определённую историческую роль, к концу 19 столетия сходило со сцены. Причину его гибели учёный видел прежде всего во внутренних противоречиях самого направления; «у антропоморфизма было столько воззрений на **явления зоопсихологии**, сколько и авторов».⁷⁷ Заслугой этой школы Вагнер считал то, что она настаивала на духовном родстве человека и животных, ошибка же её — ложно, поняв задачу Дарвина в сравнительной психологии, основываясь на субъективный метод, слишком очеловечила психику животных.

Противоположное антропоморфизму направление Вагнер называет «монизмом снизу». Если идеалисты при оценке психики животных исходили из человека, то механицисты — «от простейших животных» придя к заключению, что «деятельность человека совершенно в такой же степени автоматична, как и **деятельность инфузорий**».⁷⁸

«Монизм снизу» как закономерная реакция против антропоморфизма возникает в Германии. Его естественнонаучным материалом во многом послужили успехи физиологической науки, философской основой — вульгарный механицизм, приведший часть учёных к «... реакционной философии», не дав им возможность «...прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому».⁷⁹

«Во II половине 19 столетия физиологическая наука далеко шагнула вперед, противопоставив нервизм — прогрессивное, материалистическое направление, разработанное, главным образом, русскими физиологами И.М. Сеченовым и И.П. Павловым, виталистическому пониманию целостности организма, с одной стороны, и взглядами Virхова, с другой».⁸⁰

Среди учёных Западной Европы, вложивших ощутимый вклад в развитие этой науки, Вагнер называет имя крупного немецкого физиолога И. Мюллера, известного трудами в области сравнительной анатомии и физиологии, эмбриологии и гистологии. Основные его работы посвящены изучению высшей нервной системы и органов чувств.⁸¹ Мюллер много сделал и в исследовании рефлекторной деятельности спинного и продолговатого мозга. Но идеалистически истолковав результаты своих исследований в области физиологии органов чувств, сформулировав так называемый «закон специфической энергии», согласно которому ощущения, возникающие у человека, есть результат внутренних свойств («специфической энергии») органов чувств, дал начало «физическому идеализму», раскритикованного Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

Факты о материальном субстрате психики — нервной системе-накоплялись, свидетельствуя, что «строе-ние ее на разных ступенях эволюции различно».⁸², а так как «эволюция психики в животном царстве совершается *pari passu* с эволюцией нервной системы и не может рассматриваться независимо от этой последней»,⁸³ то «нельзя говорить о тождестве психики двух животных, когда нервная система их оказывается совершенно различной».⁸⁴ Отсюда «... аналогия между психикой позвоночных и беспозвоночных ни-

⁷⁴ Э. Васеман «Возможна ли сравнительная психология?», стр. 210.

⁷⁵ В.А. Вагнер, Там же, стр. 138.

⁷⁶ В.А. Вагнер, там же.

⁷⁷ В.А. Вагнер «Вопросы зоопсихологии», СПб, 1893 г., стр. 33.

⁷⁸ В.А. Вагнер «Биопсихология», т. 1, стр. 188.

⁷⁹ В.И. Ленин, Соч., т. 18, Госполитиздат, 1961 г., стр. 335.

⁸⁰ Подробно историю развития физиологической науки в России см.: Х.С. Коштыянец «Очерки по истории физиологии в России», М.-Л., 1946 г.

⁸¹ См.:

⁸² В.А. Вагнер, там же, стр. 165.

⁸³ Там же, стр. 185.

⁸⁴ Там же, стр. 158.

чего научного не представляет и измерение психики последних масштабом человеческой психики не только не является единственным методом для её понимания, как это вслед за Вундтом утверждали представители субъективного метода, но ставить исследователя в невозможность подойти к правильному решению задачи»,⁸⁵ пишет В.А. Вагнер.

Противопоставив опытным знаниям субъективизм, механицисты, в частности, рефлексологи, по Вагнеру, перешли допустимые им границы, решив, что «истину можно познать» одним лишь физиологическим методом, сведя задачу сравнительной психологии «к изучению нервной системы».⁸⁶ Критикуя их попытки отрицать вообще понятие психики и психических процессов, претензии на научность выводов, сделанных только на основе физиологических исследований, Вагнер напомнил два обстоятельства, которые не учитывались крайними представителями этой школы. Во-первых, физиологи забыли о том, по мнению ученого, что объективность их метода не мешала им «на протяжении десятков лет делать грубые ошибки как в области анатомии и физиологии, так и в области построения психологических теорий».⁸⁷

Иначе и быть не могло, ибо самый строгий объективизм, как считал Вагнер, не устраняет некоторой доли субъективизма при анализе данных опыта: «... исследователь не инструмент, а человек мыслящий, и потому способен заблуждаться».⁸⁸

Отсюда, по его мнению, необоснованность попыток механицистов на научность и непогрешимость одного лишь объективного метода: «... все дороги ведут в Рим ..., во всяком случае не одна, а многие, и потому они ближе к истине».⁸⁹

Надо уметь пользоваться каждым из методов в пределах, «доступных состоянию исследований данной эпохи».⁹⁰

Механицисты, как считал Вагнер, во-вторых, упустили и то, что изучив одну лишь физиологию нервной системы, нельзя исчерпывающе погнать всё многообразие психических проявлений, ибо «фундамент ещё ничего не говорит о знании».⁹¹

Открыв ряд новых фактов огромной важности, заставивших отступить идеям метафизики и витализма, введя в науку экспериментальные методы исследования, тем самым связав её идеи с идеями структуры и детерминизма, они впали в другую крайность: целый ряд жизненных проявлений ими сводились к простым механическим действиям, управляемым законами химии и физики. Наиболее видным представителем этого направления был крупный американский биолог и физиолог Жан Лёб, автор ряда глубоких исследований по анатомии и физиологии мозга; он же выдвинул химическую теорию регенерации, изучал антагонистическое действие солей на развивающуюся яйцеклетку, проводил опыты по искусственному партеногенезу (развитие яйца без оплодотворения), а исследования Лёба по ионизации белков явились одной из основ истинной теории возбуждения,⁹² получившей завершение в работах русского учёного П.П. Лазарева. По своему мировоззрению Лёб был материалистом, но в объяснении жизненных процессов и поведения животных проявил себя как крайний механицист, подчиняя их физико-химическим закономерностям. «Живые существа суть химические машины, состоящие главным образом из коллоидных веществ и обладающие способностью автоматически развиваться, поддерживать свою целостность и производить потомство»,⁹³ — писал Ж. Лёб. Поэтому, по его мнению, «среди химических процессов живого организма нет ничего такого, что было бы недоступно химической технике».⁹⁴

⁸⁵ Там же, стр. 185.

⁸⁶ В.А. Вагнер, Там же, стр. 185.

⁸⁷ Там же, стр. 186.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 187.

⁹¹ Там же, стр. 187.

⁹² См. работы Ж. Лёба:

1. «Сравнительная физиология мозга и сравнительная психология» (, 1900г.).
 2. «Динамика живого вещества», перевод с немецкого В.В. Завьялова, Одесса, 1910г.
 3. «Организм как целое с физико-химической точки зрения». Перевод с английского В.А. Дорфлана, Госиздат, М.-Л., 1926 г.
 4. «Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных», перевод В.М. Боровского, ГИД, 1924 г.
- ⁹³ Ж. Лёб, «Динамика живого вещества», перевод В.В. Завьялова, Одесса, 1910г., стр. 2.
⁹⁴ Там же.

Подобный взгляд на всё живое привёл к тенденции совершенно устранить из научного анализа психики все то, что выходило за рамки объяснения с точки зрения механических законов и внешней детерминации. Жак Лёб в Америке и М. Ферворн — в Германии, (особенно первый) развили эту мысль в стройное учение о тропизмах. Тропические явления в науке были известны давно. Исходным моментом явились наблюдения ботаников над изменением положения отдельных органов растений под влиянием внешних факторов (свет, тепло).

Англичанин Д. Рей в 1693 г., исследуя движение зелёных растений к солнцу, предполагал, что выгибание их стебля обуславливается неравномерным освещением их боковой поверхности.⁹⁵ Спустя полтора столетия О. Декандоль (1832 г.) в выводы Рея внёс некоторые коррективы, доказав, что причиной изгибания стебля является именно солнечный свет, а не тепло, как считал первый. Он же дал и название явлению. Изгиб стебля в сторону солнца Декандоль назвал гелиотропизмом.⁹⁶ Позднее подобные факты были замечены ботаниками Сакссом, Фехнером, Страсбургом и другими.

Тропизмы наблюдаются и в животном мире, о чем свидетельствуют многочисленные наблюдения самого Лёба и его современников (Ферворн и др.), а также исследования учёных нашего времени.

Пресноводные гидры в опытах сотрудников Я. Дембовского располагались всегда на солнечной стороне аквариума, с изменением же направления света изменялось и их положение. Это положительный фототропизм. Как пример отрицательного фототропизма Дембовский указывает свойство домашних клопов прятаться днём и выползать ночью.⁹⁷

Некоторые тропизмы совершаются настолько закономерно, что порой создаётся впечатление, что влияние внешних факторов, определяющих направление движения животных, доминирует и подавляет их индивидуальность. «Живой организм чуть ли не уподобляется стрелке компаса, притягиваемой магнитом»⁹⁸, — пишет Ян Дембовский. Все эти факты привели Лёба к выводу, что действие животных в основном есть не что иное как механический эффект общих сил (свет, тяжесть, тепло и т.д.), действующих одинаково и на растительный, и на животный организм.

Выводы свои Лёб строит на основе изучения поведения низших организмов, в действиях которых наиболее, ярко выражена внешняя детерминированность движений. Основные положения его учения могут быть сведены к следующему:

1. Большинство животных обладает двусторонней симметрией тела. Причем, оследняя касается не только анатомического строения, но и физиологического и химического. Отсюда тропизм, по Лёбу, это результат неодинаковой физиологической и химической реакции симметричных точек организма или органа.
2. Всё живое в каждый момент своего существования подвергается воздействию различных внешних сил. Причем, одни из них не имеют выраженной направленности, другие же наделены определённой геометрической структурой. Если организм попадает в первые условия, то его движения хаотичны, беспорядочны. В этом случае в настоящее время говорят о кинезах. Но животное может быть чувствительным и ко второму роду сил, тогда его реакции упорядочены и направлены. Это тропические движения.
3. Органы чувств животных связаны с определённой группой мышц. Причем зависимость между силой раздражения и интенсивностью их сокращения прямопропорциональна.
4. Вместо положения Аристотеля о предопределённой свыше целесообразности поведения животных, теория тропизмов предлагает чёткие количественные законы основывавшиеся на точные измерения и позволяющие не только объяснить, но и предвидеть явления.
5. Поскольку тропизмы растений и животных идентичны, а растения не имеют нервной системы, то и для поведения животных последняя не играет существенной роли и учитывать её не следует. Самое большее здесь могут быть учтены простые рефлексy.⁹⁹

Многие из этих положений подверглись в своё время уничтожающей критике со стороны В.А. Вагнера. «Не отрицая заключения Лёба об автоматизме действий Cytozoa, совершенно соглашаясь с тем, что эти

⁹⁵ См. Д. Рей «Систематический обзор животных», Лондон, 1693г. ()

⁹⁶ См. его работу: «Physiologie vegetall», 1-2, p.,1832.

⁹⁷ Ян Дембовский «Психология животных», изд. иностр. литер, М., 1959г. стр. 29-30.

⁹⁸ Там же, стр. 31.

⁹⁹ В.А. Вагнер, «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910-1913 г.г., т. 1, ст. 199.

действия ничего психического в себе не заключают, мы не можем, исходя из этих данных, - писал ученый, подводить под установленные заключения весь животный мир на том основании, что он получил начало от животных одноклеточных». ¹⁰⁰ И если поражала своею парадоксальностью идея монистов «сверху» о том, что «у муравьёв имеется чувство долга в христианском смысле слова», то не менее парадоксальной, по мнению Вагнера, являются и соображения монистов «снизу» о том, что «между едой гусеницы и мышлением человека по существу нет никакого различия». ¹⁰¹

И выводы эти тем парадоксальнее, по Вагнеру, что автоматизм простейших не настолько прост, как это предполагала гипотеза Лёба, объясняя всю их деятельность лишь физико-химическими факторами и двусторонней симметрией тела, независимо от нервной системы. Они забыли о том, как считал Вагнер, что простейшее — это, прежде всего, живое существо со всеми характерными ему биологическими отправлениями и что хотя между «миром *Cytozoa* и миром животных со сложившейся нервной системой существуют ряд промежуточных ступеней, мостков, соединяющих их друг с другом, связь явлений и аналогичные черты не обуславливают их идентичности и не исключают для каждого из них своих особых явлений и им исключительно свойственных законов». ¹⁰² Поэтому изучение последних, наряду с изучением общих черт, так же необходимо, «как знание непрерывной связи между зародышевой клеткой и курицей не исключает изучение законов эмбриологии». ¹⁰³

С каждым новым исследованием очевиднее, по мнению Вагнера, что нельзя сложные задачи сравнительной психологии решать, «включив живые организмы в число химических реагентов лаборатории, предлагая им то спирт, то эфир, то соединения калия, натрия и т.п.» ¹⁰⁴, как это делали Лёб и его сотрудники.

Теории Лёба Вагнер противопоставлял учение крупного американского исследователя Дженнигса «О физиологических состояниях», которое, как он считал, «ничего не отнимая от взгляда Лёба на жизнь этих животных, как на жизнь автоматическую, доказало вместе с тем, что автоматизм этот несравненно сложнее, чем это полагал Лёб». ¹⁰⁵

Тщательно изучив характер воздействий на *Cytozoa* разливших раздражителей (свет, температура), Дженнигс утверждал, что детерминизм Лёба не объясняет всего того, что наблюдалось на самом деле: реакция организма на известный возбудитель не постоянна, характер её постоянно меняется, модифицируется во времени; причиной тому, по Дженнигсу, является та серия физиологических состояний, которая соответствует различному характеру его движений. Причем, переход от одного состояния к другому может совершаться в самой различной последовательности.

Так, например, инфузория *Stentora* в опытах Дженнигса в ответ на одну и ту же последовательности стимуляции карминовой пыли реагировала пятью различными способами: 1) сначала никакой реакции, организм продолжал свою нормальную деятельность в течение короткого времени; 2) попытка освободиться от раздражения, в результате — поворот туловища; 3) движение ресничек в сторону стимула, стремясь освободиться от него. 4) Если стимул всё ещё оставался, животное прекращало свою деятельность посредством сильного сокращения. 5) Наконец, если все эти реакции не приводили к цели, инфузория просто уплывала в место, где раздражитель не действовал. ¹⁰⁶

На этом примере Дженнигс показал то, что «животные даже на тех ступенях эволюции, на которых стоят *Cytozoa*, не представляют собой предметов, свойства которых можно сполна изучить путём физических и химических экспериментов; что деятельность особи не представляет шаблона, всегда и при всех обстоятельствах одинаково действующего». ¹⁰⁷

В этом Вагнер видел отличие взглядов Ж. Лёба и Дженнигса. На нестереотипный характер поведения нисших указывает, по Вагнеру, и такой факт, как один и тот же раздражитель у разных животных вызывал разные реакции. Например, на световое раздражение *Bacterium protometricum* отвечал движением; *Bacterium chlorinum* (диатомия) — выделением кислорода, а у *pelomuxa palustris* свет вообще останавливал движение.

¹⁰⁰ Положения эти изложены в работе: «Динамика живого вещества» перевод В.Я. Завьялова, Одесса, 1910 г., стр. 222-223.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² В.А. Вагнер, Там же, стр. 199.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ В.А. Вагнер, там же, стр. 223.

¹⁰⁵ Там же, стр. 224.

¹⁰⁶ См. H.S. Jennings «Behavior of the lower organism» N.Y., 1906.

¹⁰⁷ Там же, стр. 226.

Вагнер отмечал и избирательное отношение нисших к факторам внешней среды. Так, например, туфелька *Parthasia* предпочитала температуру воды в пределах + 24° — + 28° С, в противном случае уплывала.

На ограниченный и упрощенческий характер теории Лёба указывают и другие отечественные и зарубежные учёные. Вот некоторые их высказывания: «Теория тропизмов упрощает, схематизирует поведение простейших, она упускает биологическую сторону — связь функций организма животного с естественными условиями его жизни и внутренними факторами»,¹⁰⁸ — пишет Н.Н. Ладыгина-Котс.

«Теория тропизмов это теория местного действия. На место реакции животного, как психофизического целого, ставится реакция его частей, неодинаковая в двух симметричных точках, и как результат этого — неодинаковые сокращения на обеих сторонах и чисто механистический поворот тела. Здесь мы имеем попытку объяснения действий животных, имеющих характер направленных, строго ориентированных с точки зрения физической химии».¹⁰⁹

«Теория Лёба слишком упрощена, чтобы охватить все случаи поведения. Организм является чрезвычайно сложной материальной системой, действие которой нельзя объяснить механистически. Лёб вообще совершенно упустил биологическую сторону явлений, пренебрёг тем фактом, что функции организма животного тесно связаны друг с другом и некоторым образом с естественными условиями жизни. Вместо живого пластичного организма Лёб создает подобие марионетки, каждое движение которой зависит от того, что какой-то внешний фактор потянет за соответствующую ниточку»,¹¹⁰ — пишет Ян Дембовский.

Ещё более несостоятельна и ограничена теория Лёба, по мнению Вагнера, в своих попытках подвести под автоматизм действия животных, обладающих нервной системой. Животные, по мнению Лёба, реагируя на внешние стимулы, ориентируются теми причинами, что и растения, причем движения их в такой же степени зависимы от внешней формы тела, как и у растений. А так как последние нервной системы не имеют, то из этого, по Лёбу, следует, что и поведение животных независимо от нее и называть их деятельность инстинктивной или разумной нет оснований.

Инстинкты, по его мнению, есть не что иное, как сложные реакции по типу тропизмов. Отсюда, самец, ищущий самку, руководствуется хемотропизмом; вползание муравьев на дерево есть проявление отрицательного геотропизма, а вползание вниз — положительного; пчела, летя на яркие цветы, ориентируется фото и хромотропизмами; положительный стереотропизм и отрицательный фототропизм заставляли мышшь прятаться в нору. Петух имеет ряд инстинктов: способность петь, драчливость, заботу о курах, нападение на них и т.д. Всё это бесследно исчезает с удалением половых органов, доставляющих организму определённые химические вещества (гормоны). Но если искусственно петуху ввести половой гормон, все функции вновь восстанавливаются.

Пищевые инстинкты гусениц обуславливаются положительным фототропизмом (в состоянии голода) и отрицательным после насыщения и т.д.

Теория тропизмов распространяется Лёбом и на более сложные психические явления, связанные с возникновением в памяти представлений. Но такая способность, по Лёбу, присуща только позвоночным, насекомым, ракообразным и головоногим моллюскам; все остальные животные имеют лишь тропизмы. В конечном счёте, и ассоциативная память сводится им к простым движениям, поддающимся количественному подсчёту.¹¹¹

Вот один из опытов, прекрасно иллюстрирующих метод Лёба: объект исследования — гусеница бабочки *Parthasia* сажались в цилиндр, который ставился в различные положения по отношению к источнику света. При всех положениях гусеницы неизменно руководствовались направлением падающих лучей. Затем Лёб затенял конец цилиндра, обращенный к свету. Гусеница доходила до границы, где начиналась тень, и останавливались, хоть путь дальше был открыт. Отсюда вывод: гусениц останавливала не тень, а прекращение действия возбудителя их движения света, за которым они привыкли следовать «как рабы», уподобляясь фотохимическим машинам до такой степени, что, в случае если поместить пищу сзади них, они умрут с голоду, но не смогут отвернуть головы от света чтобы схватить корм.¹¹²

¹⁰⁸ Н.Н. Ладыгина-Котс (рукопись из личного архива, статья «Зарубежная сравнительная психология», 192, стр. 4).

¹⁰⁹ Д.Н. Кашкаров. «Современные успехи зоопсихологии» Госиздат, М.-Л., 1928 г., стр. 176.

¹¹⁰ Я. Дембовский «Психология животных», изд. иностр. литературы, М., 1959 г., стр. 55.

¹¹¹ См. Лёб «Вынужденные движения, тропизма и поведение животных», Госиздат, М., 1944 г., стр. 130-143.

¹¹² Ж. Лёб, Там же, стр. 30-32.

Вагнер, перенося эксперимент Лёба с лабораторных условий в естественные (в сад), доказал всю несостоятельность подобных утверждений.

Прежде всего оказалось, что движение гусениц не совпадает ни с направлением источника света вообще, ни ещё того менее, с направлением падающих лучей: «они, двигаясь с одного листа на другой, так грубо нарушая „закон“, по которому должны были бы двигаться, если бы движения их представляли собой физико-химические реакции, что необходимым оказывается либо отказаться от фактов и признать их несуществующими, либо отказаться от гипотезы и признать, что автоматизм этих животных представляет собой явления, неизмеримо более сложные, чем это полагает Лёб».¹¹³

Заблуждение Лёба еще очевиднее, по мнению Вагнера, когда гусеницы поедают всю листву дерева, на котором сидят. С точки зрения тропической теории, им остаётся только умереть, ибо регулятор их движения — свет — вести их в пищу более не мог, а других стимулов (инстинктивных) у них нет. «На деле, однако, гусеницы преисправно живут», — говорит Вагнер. Многие из них «даже не двигаются вверх по дереву, как того требовало бы направление солнечного луча, а как только обнаружат недостаток пищи, т.е. начинают голодать, тотчас же опускаются по шелковой нити, выделяемой имеющейся у них железой, на землю и в поисках другого дерева ползут во всевозможных направлениях».¹¹⁴

Но это ещё не все: опускаются гусеницы не сразу; время от времени они останавливались на том или ином объекте; и если ветер их заносил на другое дерево, более обильное листвой, они и не «думали» опускаться.

В случае отсутствия лицевого объекта гусеницы опускались на землю, по которой двигались, «обходя многочисленные предметы, на каждом шагу доставляющие им возможность стать по отношению к падающему лучу солнечного света в такое положение, как будто они имеют свою ближайшую задачу доказать, что гипотеза Лёба не для них писана».¹¹⁵

Чем выше, по Вагнеру, организация животного, тем очевидней расхождения его поведения с теорией трапизмов.

Пытаясь объяснить полёт насекомых (бабочек) к свету, Лёб в основу своих соображений об автоматизме их движения кладёт двустороннюю симметрию тела бабочек. Вот как например он рассуждал: допустим, что насекомое (моль) освещена слева. Мышцы левого глаза вступают в более интенсивную деятельность за счёт химической энергии, выделяемой под влиянием света. Голова моли **поворачивается** влево. Асимметричное движение прекращается как только продольная ось тела животного совпадает с направлением световых лучей.

Вагнер своими многочисленными наблюдениями над поведением жуков *Orhonus* опроверг выводы Лёба. Во-первых, оказалось, что не все насекомые одинаково и неизменно двигались к свету. Он часто был свидетелем их огромного скопления, но на огонь летело небольшое количество. Движение многих из них обратное, от света к тени; причем, от источника света насекомые удалялись гораздо раньше, чем свет на них мог оказать свое магическое действие. В поведении жуков не было ничего из того направленного, упорядоченного, о котором говорила теория трапизмов. Многие из них, «ползая по полу и под столом, не обнаруживали попыток приблизиться к лампе; те же из них, которые находились на столе, бегали в разных направлениях: то к свету, то от света, нередко уходя совсем прочь со стола или подолгу оставаясь сидеть на месте совершенно спокойно».¹¹⁶

Следовательно, по Вагнеру: «... полёты насекомых никакого отношения к гелиотропизму не имеют, а стоят в связи с биологическими факторами (например, половым инстинктом)»; «...может иметь смысл и значение также и психическое».¹¹⁷

Показательны в этом отношении факты, наблюдаемые Вагнером из жизнедеятельности шмелей.¹¹⁸ Каждый раз нарушая улей и направляя в него свет, Вагнер видел не движение шмелей по направлению к свету, как это следовало бы ожидать по Лёбу, а их интенсивную деятельность по ремонту гнезда.

¹¹³ В.А. Вагнер, «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910 г., т. 1, стр. 204.

¹¹⁴ Там же, стр. 205.

¹¹⁵ Там же, стр. 205.

¹¹⁶ Там же, стр. 207.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См. В.А. Вагнер «Unter such. an Hummelin», Leipzig, 1907.

«Свет, действуя на них физиологически, вызывает при одних обстоятельствах один род психических, наследственно фиксированных действий, при других — другие, причем каждый из них, взятый в отдельности, представляет открытое противоречие гипотезе Лёба».¹¹⁹

Выводы Вагнера подтвердили и другие исследователи. Французский ученый М. Манка (Mangyat M.), повторив опыты Лёба с гусеницами *Porthesia*, нашел, что последние «не втиснутые в стеклянные трубки», а в условиях естественной обстановки, ползают по всем направлениям.¹²⁰ Одновременно другой исследователь Дегенер (Degener), работая с гусеницами другой бабочки, установил, что вначале их движение было направлено к свету, но дойдя до конца и не обнаружив на другом конце трубки пищи, они повернули обратно в задний конец, где был пищевой объект.¹²¹

После этих авторов Анна Шмит Аурагер опровергла доводы Лёба о том, что положительный фототропизм после насыщения пищей у насекомых прекращается в отрицательный. В ее опытах гусеницы проявляли отрицательный геотропизм лишь в период линьки.¹²²

Существенные коррективы в фототропизм Лёба внесли современные исследователи. Они установили (на основе более точных экспериментальных методов), что во многих случаях направленное движение животных к свету является мнимым. Так, например, в опытах Я. Дембовского и его сотрудников отрицательная реакция инфузории *Steutor socroleus* однако не зависела от направления лучей.

Ориентировка колониального жгутикового *Volvox* в поле двух источников света обуславливалась не направлением света, а разницей в силе обоих источников; морская звезда *Echinaster* устремлялась в наиболее освещенное место, независимо от направления лучей и т.д.

А вот другое наблюдение в лаборатории того же Я. Дембовского, явно не совмещающееся с теорией Лёба. Амёба, беспорядочно передвигающаяся в затененной части стеклянного сосуда, достигнув границы тени и света, втягивала свои псевдоподии, уходя от света. Здесь мы наблюдаем явное предпочтение тени свету, что никак не укладывается в рамки одного лишь тропического действия. Картина более осложняется, когда исследуются высокоорганизованные животные. Так, например, известно, что один из видов рачков всегда плавает, поворачивая спину к источнику света, т.е. их движение перпендикулярно световым лучам. Если такого рачка освещать с брюшной стороны, то он переворачивается и плывет вниз спиной. Но независимо от того, с какой стороны — сверху или снизу, действует световой луч, глаза животного освещены равномерно, следовательно, согласно тропической теории, незачем ему менять положение тела.¹²³

Подобная перестройка функции — явное свидетельство участия в поведении рачка каких-то внутренних факторов, и, прежде всего, естественно, нервной системы.

Сводя движения многих животных к фототропизму, Лёб упускал и такие моменты как интенсивность света, качественное и количественное различие световых волн, влияние температурных моментов (если это водная среда), химический состав воды и т.д.; одним словом, тот комплекс внешних и внутренних факторов, обуславливающих сложное поведение животных.

Остроумно и веско Вагнер критиковал и попытки Лёба свести деятельность животных (личинки мухи) к хемотропизму. Если бы это было действительно так, то «насекомые, руководящиеся в поисках нужных им предметов хемотропизмом, достигнув одного из них, не могли бы от него уйти, ибо действие пахучих частиц, выделяемых предметом, на котором они находятся, чрезвычайно сильно», — писал учёный.¹²⁴

Совершенно не вяжется с понятием хемотропизм, по Вагнеру, и поведение осы, которая, руководствуясь запахом мёда, прилетает к талеоке, но «прежде чем на неё опуститься, совершает ряд зигзагообразных движений вправо и влево, не имеющих никакого отношения к хемотропизму».¹²⁵

Значит, попытка Лёба обосновать идею о хемотропизме у животных с развитой нервной системой та же не состоятельна, по мнению ученого, как и его попытка установить для них фототропизм, и чем выше ступень животной эволюции, тем очевиднее трудности на пути таких попыток.

¹¹⁹ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 1, стр. 210.

¹²⁰ См. М. Mangyat «Sur le phototropisme de *Leukoma phaeorrhoea*», C.R. Acad., 1921, Sc, 172.

¹²¹ P. Degener «Der sogenannte Phototropisme der Kaupen und sein biologischer Wert», Zeitschr. allg. Physiol., 1921, стр. 19.

¹²² A. Schmitt Auraher «Psychologisch — biologische Beobachtungen an den Raupen von *Euproctis chrysorrhoea* und Verwandten Alten», 1923, 43.

¹²³ См. работу Ян Дембовский, «Психология животных», изд. Иностран. литер., М., 1959 г.

¹²⁴ Там же, стр. 218.

¹²⁵ Там же, стр. 211.

Несмотря на это, по Вагнеру, Лёб нашел целый ряд последователей и единомышленников.

Как мы уже выше отмечали, одновременно с Лёбом над поведением простейших работал немецкий учёный Ферворн, пришедший принципиально к тем же выводам, что и Лёб.¹²⁶ Он собрал большой фактический материал по гальванотропизму. Пропускание электрического тока в воду с инфузориями неизменно вызывало их движение к катоду. Следует отметить, что вся теория тропизмов родилась, как справедливо отмечал Буденброк, именно на основе поведения животных в поле электрического тока, где тропизм наиболее ярко выражен: не имея специальных органов чувств для восприятия таких необычных, небιологических раздражителей, как ток, организм налицо проявляет момент вынужденности. И может быть, следовало бы рамки тропизмов, как это отмечает большинство современных учёных, ограничить именно гальванотропизмом. Но Ферворн, как и Лёб, распространил его на более сложные психические акты, в чём и была его ошибка.

Другой исследователь¹²⁷ тропическими движениями объяснял посещение пчёл одних и тех же цветов (одного типа).

Вагнер, повторив его опыты на шмелях, пришёл к выводу, что насекомые «способны посещать цветы всякого вида и всякой окраски безразлично; что в каждый данный период времени они держатся того растения, которое в этот период дало им лучший взятки и что руководятся шмели при розыске этих растений исключительно органами зрения»¹²⁸, и ни о каких тропизмах, по мнению учёного, «в описываемой деятельности шмелей не может быть и речи, так как явления, о которых идёт речь, представляют собой сложный (хотя и инстинктивный) психологический акт».¹²⁹

Глава французской школы зоопсихологов, последовательный защитник теории Лёба, предложил следующий двойной критерий для отличия тропизмов от других видов деятельности:

1. Избрание животным, поставленным между двумя источниками света, промежуточного пути согласно закону сложения, закону параллелограмма сил. Критерий этот учёный применил при исследовании моллюсков и морских звёзд (например, опыты над *Yittorina guclis*). Животное, помещенное между тёмными широтами, притягивалось обеими и двигалось между ними по правилу параллелограмма сил. Оно становилось так, что оба глаза были освещены равномерно.
2. Вращательное движение животного при зачернении одного лаза или при перерезке нервных путей на одной стороне тела. Здесь, по Бону, явное реагирование животным на неодинаковое раздражение обеих половин тела. При этой оно поворачивается как автомат лишь потому, что на разных участках тела по-разному сокращаются мышцы.

Бон¹³⁰ в трактовке поведения животных полностью примыкал к Лёбу.

Физиолог Bethe, изучая пчел и муравьев, утверждал, что эти насекомые суть вообще «промытые рефлекторные машины», которые напоминают ему жестяных уточек, приводящихся в движение магнитом. Такое сложное движение, как движение муравьёв к гнезду с пищей Бетэ¹³¹ тоже относил к механическому рефлексу. «Нельзя не признать простоту такого объяснения слишком простою, а соображения авторов, которыми оно опровергается, совершенно правильными»,¹³² — писал Вагнер.

В своё время Bethe подвергся критике со стороны Васемана. На заявление первого о том, что присутствие ноши вызывает муравья рефлекторно двигаться к гнезду, а её отсутствие от гнезда, Васеман писал: «Если бы указанная, высоко научно звучащая аксиома была действительно подходящей, то ведь для муравья без ноши было бы физиологически невозможно вернуться домой порожняком, если он ничего не нашел вне

¹²⁶ См. M. Verworu «Psycho-physiologische Protistenstudien», Jena, 1889.

¹²⁷ Yoew «Beobachtungen über den Blumenbesuch von Jusechten an Freilandpflanzen des botanischen Yarten zu Berlin», Berlin, 1884.

¹²⁸ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 2, стр. 217.

¹²⁹ Там же, стр. 218.

¹³⁰ См. работы: Y. Bohn.

a. «De levolution des connaissances chez les animaux marins littoraux», I. Yes crustales. Bull. Lns. gen, Psych., Paris, 3; 1903.

b. «Yan hydroliose et les tropismes», e.r. Acad. Sc, Paris, 1904.

¹³¹ См. работу A. Bethe. «Dürfen virr der Ameisen und Bienen psychische Qualitäten Zuschreiben», Arch., f., d., gesam. Physiologie, LXX, 1898.

¹³² В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 2, стр. 218.

гнезда; и для муравья с ношей, который хочет удалить из гнезда труп или какой-нибудь другой отброс, было бы физиологически невозможным оставить гнездо вместе со своей ношей. Как можно всерьез такую негодную вещь выдавать за „науку“?»¹³³, говорил учёный.

Не менее парадоксальной, как считал Вагнер, является утверждение Бете и о том, что движение муравьев «по дорогам» происходит вследствие какой-то «поляризации обаятельного следа». Немного, по мнению учёного, внесли в Бетовскую «поляризацию» и коррективы Васемана, считавшего, что направление насекомых обусловлено не «поляризацией обаятельного следа, а формой пахнущего следа». «Всё это сплошная метафизика»: «более простое» объяснение Васемана несколько не доказательнее Бетовской поляризации следов, ибо ни то, ни другое не может быть доказано, ни проверено опытом; более того: и то, и другое одинаково ненаучно, так как исходит не из фактов (разве можно говорить серьёзно о форме следа муравьиных лапок на твёрдой гладкой поверхности их «дорог», по которым беспрерывно двигаются тысячи особей?), а из «личных соображений»¹³⁴, — писал Вагнер.

К мысли Бете о животных, как рефлекторных автоматах, присоединился и Э. Эгнер. Вот что мы у него читаем: «Занимаясь психологией, мы должны употреблять такие понятия, которые покоятся на объективно наблюдаемых признаках и принимают в расчёт твердо установленные данные относительно строения нервного аппарата»: «понятия сознания (Bewusstsein) и понятие ощущения (Empfindung) совершенно лишены цены в зоопсихологии, ибо их нельзя объективно доказать»¹³⁵ и т.д.

Подобной точки зрения придерживался и Цур Штрассен.¹³⁶

Подводя итог сказанного о мизантропии «снизу», Вагнер считал, что Лёб и его школа в стремлении свести психологию к тропизмам, пришли к тем же парадоксам, к которым когда-то пришли и мисты «сверху», только с другого конца. В то время, как антропоморфизм, исследуя психику животных, мерил её масштабом человеческой психики, механицизм, решая проблемы человеческой психики, исходил из аналогии её с одноклеточными. Мисты «сверху», помышлению учёного, везде видели разум и сознание, разлитое во всей вселенной; мисты «снизу» — только автоматизм. Для первых животный мир активен, для вторых он пассивен. Мисты «сверху» в основу своих исследований клали «суждения по аналогии», мисты «снизу» — «лабораторные исследования», поэтому у антропоморфистов жизни животных заслонялась «жизнью человека», у механицистов — «ретортами, химическими формулировками и экспериментами».

Вагнер поднимался до понимания того, что крайности идеализма и механицизма в трактовке процесса развития при всех их разногласиях сходятся: «Крайности сходятся: мисты „снизу“ в своих крайних заключениях приходят к такому же заблуждению, к какому пришли мисты „сверху“, только с другого конца: последние, исходя из положения, что у человека нет таких психических способностей, которых не было бы у животных, подводят весь животный мир под один уровень с вершиной и наделяют этот мир, до простейших включительно, разумом, сознанием и волей. Мисты „снизу“, исходя из того же положения, что человек в мире живых существ, с точки зрения психологической, ничего исключительного не представляет, „подводят“ весь этот мир под один уровень с простейшими животными и приходят к заключению, что деятельность человека в такой же мере автоматична, как и деятельность инфузории».¹³⁷

В 20-х — 80-х годах нашего столетия Вагнер продолжает борьбу с механицизмом, который на данном историческом этапе был главной опасностью как в психологии, так и в философии. Внешне механицизм был тогда представлен различными школами и направлениями (рефлексология, реактология), их борьбой между собой. В действительности же фактором развития советской психологии тех лет была не столько борьба между направлениями, сколько борьба внутри этих направлений, в результате которой создавались реальные предпосылки перестройки психологии на новой методологической основе. В центре борьбы, как в предшествующие годы, стоял вопрос о предмете психологии. Наукой «о душе», чем она была в течение ряда веков, не могла быть. Это отчётливо сознавали советские психологи. Вместе с тем, они испытывали большие затруднения в определении содержания психологии: с одной стороны, сказывалось влияние на молодую советскую науку отголосков кризиса старой психологической науки: с другой — не овладев ленинской теорией отражения, учёные не смогли разобраться в сложных проблемах, поставленных перед ними временем, определить предмет, цели и методы психологического исследования.

¹³³ Э. Васеман «Итоги сравнительной психологии», Киев-СПб, 1906 г., стр. 184.

¹³⁴ В.А. Вагнер, Там же, стр. 219.

¹³⁵ Н.Е. Зиглер «Theoretisches zur Tierpsychologie und vergleichenden Neurophysiologie», Biol., Zentralblatt, 1900, 20.

¹³⁶ См. Zur Strassen O «Die neue Tierpsychologie», Leipzig, 1908.

¹³⁷ В.А. Вагнер, «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910 г., т. 1, стр. 223.

Психология тот период, по преимуществу, рассматривалась как наука о поведении, включая и поведение человека. В этом учёные видели залог объективности в противовес субъективизму старой психологии. Зародившись в недрах буржуазного строя и являясь наследником дореволюционной естественно научной психологии поведенчество 20-х годов вобрало в себя как её сильные, так и слабые стороны. В общем оно, как направление объективное и сыгравшее огромную роль в борьбе с идеализмом и метафизикой, было прогрессивным.

Вместе с тем, поведенчеству были характерны все слабости стихийного материализма (например, неумение видеть общественной сущности человека), который был его методологической основой.

На фоне марксистской критики в 20-ые года эти недостатки выступали явнее и выпуклее. При характеристике поведенческой психологии тех лет, следует учесть и такой немаловажный факт, что психологией в основном занимались учёные, обладавшие стихийно-материалистическим мировоззрением. Это были первоклассные исследователи в области биологии, медицины, физиологии, но проявлявшие слабость социологических и философских позиций, когда выходили в область широких теоретических обобщений. Всем им был присущ такой существенный недостаток, как неумение распространить свои материалистические взгляды на общественные явления, дать правильную трактовку человеческого сознания и личности. Слабость своих методологических позиций они переносили и в психологию.

В России поведенчество было представлено тремя течениями: рефлексологией Бехтерева, рефлексологической вульгаризацией физиологии высшей нервной деятельности и реактологией. Каждой из этих школ были присущи свои внутренние противоречия, которые под ударом критики обострялись и приближали их гибель.

Рассмотрим подробно рефлексологические направления, так как Вагнер полемизировал в основном с их положениями:

Рефлексология, с одной стороны, разрабатывалась Бехтеревым, с другой — крайними представителями физиологической школы. Своими истоками она восходит к старой дореволюционной «объективной психологии» Бехтерева.

И несмотря на то, что в течение 20-ти с лишним лет он вносил новые данные и коррективы в свою психологическую систему и даже термин «психорефлексология» заменил «рефлексологией», основная суть объективной психологии осталась такой, какой она сложилась в 1904-1908 г.г.¹³⁸

В 1904 году Бехтерев рефлексологию определял как «сумму объективного проявления невропсихики»¹³⁹, а в 1926 году призывал рассматривать психическую деятельность «со строго объективной точки зрения, ограничиваясь только внешними особенностями действий человека».¹⁴⁰ Причём, действия эти, как сказал Л. Р. Выготский, для Бехтерева не более, как «комплекс высших рефлексов».¹⁴¹

Как и в предшествующие годы, Бехтерев, а вместе с ним и все рефлексологи, утверждали, что в задачу психологических исследований входит не только изучение внешних реакций организма, но и их соотношение с теми раздражителями, которыми они вызываются, включая и социальные факторы. Но последние для них не более как стимул (наподобие физического или биологического), на который организм отвечает определённым ответом, а вовсе не условия, определяющие сухость личности как совокупность общественных отношений, согласно положений марксистской философии.

Следует отметить и то, что в рефлексологии последних лет значительно усилилась энергетическая струя. Если в работе «Задачи и метод объективной психологии» (СПб, 1909 г.) Бехтерев выражал точку зрения психофизического параллелизма, то в «Общих основах рефлексологии человека» он отождествляет психическое и физическое в едином энергетическом потоке. Рядом с такой вульгарно-материалистической точкой зрения на природу психического, у рефлексологов легко уживается идеализм. Вот что мы читаем у Бехтерева: «Энергия, проявляющаяся в сложных образованиях с содержанием фосфористых белков, сопутствуется наряду с физической стороной ещё и общими субъективными состояниями, которые, наблюдая у себя в развитой форме, мы определяем, как своё создание».¹⁴²

¹³⁸ См. В.М. Бехтерев, «Основы общей рефлексологии», Л., 1926 г., изд. 3-е, стр. 11.

¹³⁹ В.М. Бехтерев, «Объективная психология и её предмет», 1904 г., «Вестник психологии», № 9, 10.

¹⁴⁰ В.М. Бехтерев «Основы общей рефлексологии», Л., 1926 г., стр. 11.

¹⁴¹ А.С. Выготский «Психология и марксизм», Л., 1925 г., стр. 219.

¹⁴² В.М. Бехтерев. «Задачи и метод объективной психологии» СПб, 1909 г., стр. 48.

Крайне механистические взгляды на понимание психического высказывала и группа вульгаризаторов физиологического учения о высшей нервной деятельности. К их числу относились Ю. Фролов, Зелёный, Ленц, В. Савич, Иванов-Смоленский, частично Протопопов, Залкинд, Арямов и др. Прикрываясь большим авторитетом И.П. Павлова, эти люди попытались свести психологию к физиологии.

Однако, «осуществлявшаяся указанной группой рефлексологическая вульгаризация учения о физиологии высшей нервной деятельности не имела ничего общего с научной разработкой теории условных рефлексов и ни в коей мере не отвечала генеральной линии павловских исследований»,¹⁴³ — пишет А.В. Петровский.

Вульгаризаторы могли извращать, но не развивать учение великого физиолога; компрометировать, но не защищать, как это считали многие в тот период. Как и у всякого великого открытия, у павловского учения оказалось масса попутчиков, спекулирующих на его успехах. Это те, о которых В.И. Ленин писал: «... из крупной ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьца».¹⁴⁴

Философскую основу этого направления (в отличие от рефлексологии Бехтерева) составляло неокантианство, нашедшее обоснование в философской системе А.Н. Введенского. Так, например, физиолог Ленц, ссылаясь на последнего и исходя из того, что мы не способны пережить чужое психическое состояние, предлагал вообще исключить психику из научного анализа, а предмет психологии превратить в придаток философии. Это близко к взглядам А. Введенского, Вундта, Челпанова и других идеалистов.

Такому пониманию задач психологии соответствует и утверждение Ленца о том, что психические явления, будучи функционально независимыми от физиологических процессов, являются лишь «побочными реакциями», т.е. эпифеноменами.¹⁴⁵

Подобный агностический взгляд на психику высказывали В.П. Протопопов, Э. Енимен и многие другие.¹⁴⁶

Критика Вагнера, прежде всего, обрушивалась на взгляды типичных представителей этого течения (Ленца, Савича, Васильева, Зелёного, Иванова-Смоленского, Боровского и др.), которые, используя рефлекс в качестве универсального объяснительного принципа, сводили многообразие психических проявлений к сумме рефлексов или «суперрефлексов».

Крайне механистическую и биологизаторскую трактовку человеческого поведения мы находим в трудах уже упомянутого нами Ленца. В своих ранних работах он писал: «... поступки людей есть совокупность его реакций на внешний мир, подчинённых общим законам природы, изучаемым естествознанием»,¹⁴⁷ или деятельность человека не более, как «бесконечный ряд рефлексов, т.е. вполне определённых физиологических процессов».¹⁴⁸ Центральной идеей последних исследований Ленца является идея суперрефлексов.

Так он называет условные рефлексы, которые надстраиваются на другой, тоже условном рефлексе.

Ссылаясь на эксперименты Зелёного, получившего на собаках рефлекс II порядка, Ленц умозрительно считал возможным выработать в условиях лаборатории и рефлекс 3-го порядка, «Всё воспитание человека (аналогичное дрессировке животных) состоит, — пишет он, — в постепенном усложнении связей нервной системы с окружающей природой (включая сюда и мир общественных явлений). На фундаменте безусловных рефлексов, переданные нам по наследству, постепенно возводится здание условных рефлексов, купола и башни которого состоят из тончайших и изящнейших суперрефлексов».¹⁴⁹

¹⁴³ А.В. Петровский «На подступах к марксистской психологии» в кв.: «Вопросы теории и истории психологии», 1964 г., стр. 114.

¹⁴⁴ В.И. Ленин, соч., т. 14, стр. 344.

¹⁴⁵ А. Ленц «Об основах физиологической теории человеческого познания», «Природа», 1922г., № 6-7.

¹⁴⁶ См.:

а. В.П. Протопопов. «Бехтерев как рефлексолог», 1928г.,

б. Э. Енгмен «Теория новой биологии и марксизм», Пг, 1923г.

Глубокую критику психологического учения Э. Енимена читатель найдёт в докторской диссертации А.В. Петровского «Пути формирования основ советской психологии», М., 1965г.

¹⁴⁷ В. Ленц «Об основах физиологической теории человеческого поведения», «Природа», 1922 г., № 6-7, стр.18.

¹⁴⁸ В. Ленц «Условные рефлексы высших порядков и их изучение на душевнобольных», «Физиологический журнал», т.V, 1-3, 1922 г., стр. 49.

¹⁴⁹ А. Ленц «Об основах физиологической теории человеческого поведения», стр. 16.

Критикуя эти соображения Ленца, Вагнер считал, что в самой гипотезе суперрефлексов ничего нет неправдоподобного. За последние полстолетия, по его мнению, никто из ученых не сомневался в том, «что высшие психические способности, а в связи с ними и поведение людей и высших животных, в основе своей имеют рефлексы, но из этого отнюдь не следует, чтобы, познав основу, т.е. рефлексы, мы вместе с тем познали и то, что на этой основе возникает и развивается».¹⁵⁰

«Было бы легкомысленно, — говорил ученый, — в клюве голубя искать зубы ящеры, а в когтях ног крокодила — цевку птиц».¹⁵¹ Лишь потому, что класс рептилий составляет основу и класса птиц, и класса млекопитающих животных.

Беда рефлектологов лишь в том, что из суперрефлексов «ни для правил поведения человека, ни для других более или менее сложных вопросов психологии ничего выкроить невозможно»¹⁵². Тем не менее, физиологи на основе субъективных определений (а никак не лабораторных исследований) позволяют себе утверждать о том, например, что дикари и душевнобольные неспособны к образованию более или менее сложных суперрефлексов. «Но ведь это уже не лаборатория с физиологическими методами, а психология со всеми её слабыми сторонами, — восклицает Вагнер. Одному исследователю может показаться, что дикарь способен надстраивать рефлексы лишь до таких-то пределов, а другому, что эта способность несколько не меньше, чем у некоторых представителей культурных рас и т.д.»¹⁵³

В самом деле, Ленц нередко позволял себе оперировать суперрефлексами и далеко за пределами физиологических проблем, перекидывая их в область общественной жизни и этики. Он, например, считает, что, чем дальше отстоит акт нашего поведения от безусловных рефлексов, тем они выше и сложнее: таковыми, по Ленцу, являются, к примеру, — «платоническая любовь, искание истины для истины, или служение человечеству и т.д.»; с другой стороны, чем ближе акт поведения и к своей «первоначальной динамической основе», т.е. к безусловным рефлексам, тем ниже он в моральном отношении: таковы — половая любовь, научный карьеризм и т.д.¹⁵⁴ Последние, по мнению Ленца, не более как «простые физиологические акты и развиты сильнее у малокультурных людей и наций, вместе с тем эти акты сближают нас с животными».¹⁵⁵

Вагнер, иронизируя по поводу этих неудачных экскурсов Ленца в область социологии и этики писал: «Как же тогда связать понятие о моральности и аморальности действий с высшей надстройкой условных рефлексов и суперрефлексов, — явлениями, сопутствующими войне культурных народов, когда не только разрешаются, но поощряются действия, за которые животные „сгорели бы от стыда“, если бы обладали такой способностью».

«Когда войну ведут нисшие расы, — дикари Африки, — продолжает свою мысль Вагнер, — то они не употребляют удушливых газов, которые были открыты попутно „с поисками истины для истины“, они не заражают колодцев контагиями заразных болезней, не хлопочут о распространении психозов в стране своих врагов. Для производства таких действий у них, очевидно, не хватает тысячей суперрефлексов, которые надстроили у себя высоко культурные расы».¹⁵⁶

Но мимо прозорливости Вагнера прошла весьма существенная сторона «физиологической теории человеческого поведения» Ленца — её последовательный механицизм, по которой воспитание человека (в духе бихевиористов и рефлексологов) — сводилась к простой «дрессировке».

Ленц не видел разницы между анализом сложных поступков личности в целом и анализом основой «единицы этой сложности» — рефлекса.

Другой представитель вульгарно-рефлексологического учения — Васильев — пытался свести сложные человеческие переживания (например, переживания Анны Карениной из «Войны и мира» Л. Толстого) к цепи «сочетательных рефлексов». Характеризуя примитивность этого подхода, Вагнер указывал, что основание для такой интерпретации имеется, но «оно не больше того, как если бы кто-нибудь стал разбирать картины Рафаэля, Мурильо и других мастеров с точки зрения технологии кистей и красок, или разбирать сонату Шопена с точки зрения учения физики о звуке. Разборы эти могли быть безукоризненно точными, но они не будут разборами душевной жизни людей. Мы предъявляем к ним другие запросы — запросы не

¹⁵⁰ В.А. Вагнер «Биопсихология и смежные науки», изд. «Образование», II., 1923 г., стр. 43.

¹⁵¹ В.А. Вагнер, там же.

¹⁵² В.А. Вагнер «Биопсихология и смежные науки», Пг, 1923 г., стр. 45.

¹⁵³ В.А. Вагнер, там же, стр. 46.

¹⁵⁴ А.К. Ленц «Об основах физиологической теории человеческого поведения», «Природа», 1922 г., № 6-7, стр. 1:2 1.

¹⁵⁵ А.К. Ленц, там же.

¹⁵⁶ В.А. Вагнер. «Биопсихология и сменные науки», стр. 47.

физике, химии и физиологии, а запросы нового порядка, запросы психологические». ¹⁵⁷ И Вагнер прав в утверждении, что нельзя на основе только лабораторных приёмов (как это делали рефлексологи «решать вопрос о чувстве свободы у людей, как нельзя, изучив опытным путём влияние солнца на зелёный лист растения, решать вопрос о влиянии красоты зелёного растения на душевные переживания человека»). ¹⁵⁸ К пониманию этих разных категорий явлений ведут разные пути исследования и «смешивать их между собою под предлогом разложения сложного на составляющие их элементы, чтобы идя от простого, познать сложное (такой путь научен лишь тогда, когда анализ производят над явлениями однородными) — так же основательно, как если бы кто-нибудь в этих целях стал толковать шекспировского Гамлета, руководствуясь грамматикой английского языка». ¹⁵⁹

Вагнер с большой убедительностью показал, что исключительно физиологический подход к проблемам психики, особенно человеческой, без социологического и психологического анализа ведёт к игнорированию наиболее существенных условий формирования тех или иных мотивов действия. «До тех пор, — говорит он, — пока буржуазная семья будет основана на праве наследственной собственности, без всякого её ограничения, до тех пор семья эта будет антагонистом общественности. Анна Каренина принадлежит к такой именно среде, и когда обстоятельства очень сложной психологии выбили её из колеи, ей ничего не оставалось, как умереть. „Что могут внести в эти сумерки культуры физико-химики и рефлексологи? Что могут они объяснить в явлениях жизни, от которой страдают люди и ищут выхода из её тягот“? — Что отвечают на эти её запросы гармонии, рефлекс, суперрефлекс и другие основы физиологических процессов?» ¹⁶⁰, — спрашивает учёный. И сам же отвечает: «ничего», ибо рефлексологу «поэзия человеческих переживаний так же недоступна, как битюгу ноктюрны Шопена». ¹⁶¹ Поэтому, как он считал, не будет удивительно, «если за решением вопроса — почему плачет человек? — люди пойдут справляться не у физиологов, располагающих экспериментально установленными данными о слёзной железе, которая при раздражении выделяет слезы, а у тех, которые умеют видеть сквозь видимый миру смех невидимые слёзы». ¹⁶²

Резко отрицательное отношение Вагнера вызывают попытки отдельных ученых (рефлексологов), используя рефлекс как объяснительный принцип, стирать качественные грани между поведением человека и животных. Это, по мнению учёного, ведёт к игнорированию сознания — «важнейшего приобретения человека, критерия его поведения». ¹⁶³ Так, например, В. Боровский утверждал, что человек отличается от животного лишь большим разнообразием и лабильностью навыков, особенно речевых. Анализируя физиологическую структуру последних, он задаётся вопросом: «имеется ли у животных что-либо подобное речевым навыкам?» ¹⁶⁴ Такая постановка вопроса, как указывал Вагнер, «дважды безграмотна». Во-первых, потому, «что о речи у животных никто из грамотных людей, насколько известно, не говорил. Говорили о языке животных, не смешивая его с речью». Неверен вопрос Боровского, — продолжает свою мысль учёный, — и методологически, так как решать его надо в эволюционном порядке: сначала изучить язык у животных, а затем задаваться вопросом: «нет ли чего подобного у людей?» ¹⁶⁵ У Боровского же, как считал Вагнер, получается наоборот: вырывая поведение отдельных животных из общей эволюционной цепи, он совершенно механически «переносит реакцию цыплят, собак, жеребят на человека и обратно». ¹⁶⁶

Подобные взгляды с Боровским разделяли и другие рефлексологи. Совершенно, по Вагнеру, не выдерживают критики рефлексологические описания В.В. Савича, утверждавшего, что «человек есть горилла, вооруженная автоматом», и что «в конечном счете им руководят все те же инстинкты, как и гориллой». ¹⁶⁷

Основанием для таких выводов, по Савичу, служит следующее: «Если наши поступки вытекают из инстинктов, если химизм крови определяет доминирующую роль данного инстинкта в определённое время, то мы не видим никакого принципиального отличия человека от животного. И у него всё то же самое». ¹⁶⁸

¹⁵⁷ В.А. Вагнер, «Этюды по сравнительной психологии», 1925 г., вып. 2, стр. 38-39.

¹⁵⁸ В.А. Вагнер, там же.

¹⁵⁹ В.А. Вагнер, там же, стр. 40-41.

¹⁶⁰ В.А. Вагнер, там же.

¹⁶¹ В.А. Вагнер «Этюды по сравнительной психологии», Л., 1928 г., вып. 7, стр. 28.

¹⁶² В.А. Вагнер «Физиологическая школа и сравнительная психология». (рукопись. Архив ГПБ. Л.ф. 235. л. 9).

¹⁶³ В.А. Вагнер, «Этюды по сравнительной психологии», Л., 1927 г. вып: 7, стр. 39-40.

¹⁶⁴ См. его работу: «Введение в сравнительную психологию» М., 1927 г.

¹⁶⁵ В.А. Вагнер «Физиологическая школа и сравнительная психология» (Рукопись, Архив ГПБ, Л., 1923, стр. 3).

¹⁶⁶ В.А. Вагнер, там же.

¹⁶⁷ См. В.В. Савич: «Основы поведения человека. Анализ поведения человека с точки зрения физиологии центральной нервной системы и внутренней секреции», Л., 1924 г.

¹⁶⁸ Там же, стр. 121.

Совершенно игнорируя социально — экономическую природу человека, разницу между человеком и животным, Савич видел в том, что у первого временных связей больше, чем у второго. В этом он сходится с Ленцем. К ним примыкал и Иванов-Смоленский, который пытался экспериментально обосновать подчинённость высших психических функций человека закономерностям условных рефлексов; тем самым, ученый игнорировал специфичность методики интеллектуальных форм поведения.¹⁶⁹

Завершал критический обзор рефлексологических положений, Вагнер считал, что «докторальный тон» механицистов о том, что физиологические методы — единственно верный путь исследования психики, и что последняя не более, как «башня рефлексов и супер-рефлексов», совершенно не выдерживает критики и «обречён на гибель».¹⁷⁰

Вскоре после пророческих слов ученого, психологические построения рефлексологов разрушаются под ударом марксистской критики. В конце 20-х годов многие психологи и философы отмечали философскую беспомощность рефлексологии,¹⁷¹ противопоставляя ей ценность павловского учения для психологии.

После смерти Бехтерева (1927г.) вся его система переживает сложный процесс внутреннего расщепления, перестройки и самокритики. Значительная группа рефлексологов (Ананьев, Куразов Мясичев) серьёзно прислушивается к критике, осознаёт недостатки бехтеревской рефлексологии («энергетизм, механистичность, социологический империализм»),¹⁷² становится на путь методологической перестройки.

На I Всесоюзном психологическом съезде (так называемом «поведенческом») в 1930 году, который ознаменовал начало конца «поведенческого периода» в советской психологии, рефлексология большинством учёных была квалифицирована как механистическое направление.¹⁷³

Подводя итог сказанному, следует отметить, что резко возражая против попыток механицистов использовать рефлекс в качестве объяснительного принципа, приводящего к нивелированию поведения животных и человека, к упрощению задач научного объяснения сложных форм психической деятельности, Вагнер критиковал положение рефлексологов с правильных материалистических позиций. Учёный верно подметил, что качественное различие человеческого поведения от животного в том, что у первого наблюдается не столько накопление новых элементов, сколько перестройка и взаимодействие старых. Недоучёт названной закономерности, сформулированной Вагнером в учении «о развитии по смешанным линиям»,¹⁷⁴ как известно, приводил многих ученых, работавших в области животной и человеческой психологии, к крупным ошибкам.

Так, например, ошибки Келлера, допускавшего разум и применение орудий у обезьян, объясняется, по мнению Л.С. Выготского именно этим обстоятельством.¹⁷⁵

Вагнеру во многом удалось сделать правильные и ценные замечания, касающиеся как человеческой психики в целом, так и её отдельных сторон, а его учение о высокой коррелятивной способности высших психических функций, ведущей к их интеграции и образованию определённых функциональных систем, открывает широкие перспективы для правильного решения многих проблем психологии. Но следует отметить и то, что учёному не удалось найти последовательно — научного подхода в характеристике человеческой психики, разделяя в этом отношении ограниченность всего естественно-научного материализма 19 столетия, не сумевшего отразить общественную природу человеческой личности. Отсюда, по Вагнеру, её «генезис, эволюция остаются теми же, что и у высших животных».¹⁷⁶

¹⁶⁹ Иванов-Смоленский, «Естествознание и наука о поведении человека», М., 1929г.

¹⁷⁰ В.Л. Вагнер, «Физиологическая школа и сравнительная психология» (рукопись, Архив ГПб, Л., 1923г., стр. 8).

¹⁷¹ См.:

1. И.А. Арямов «Общие основы рефлексологии», М., 1924г.

2. Л. Выготский, «Психология и марксизм», Л., 1925г.

3. К.Н. Корнилов «Современное состояние психологии в СССР», «Под знаменем марксизма», 1927г.

4. Л. Выготский, С. Геллерштейн, Б. Фингерт, М. Ширвиндт. «Основные течения современной психологии», М.-Л., 1930 г.

¹⁷² Н.Ф. Куразов «Методологические итоги поведенческого съезда», «Вопросы изучения и воспитания личности», вып. I-II, М.-Л., 1930 г.

¹⁷³ О повороте на психологическом фронте и начале марксистско-ленинской реконструкции психологии см.: А.В. Петровской «На подступах к марксистской психологии», в кн.: «Вопросы теории и истории психологии», М., 1964 г.

¹⁷⁴ В.А. Вагнер, «Этюды по сравнительной психологии», СПб, 1927 г., вып. 5, стр. 76-77.

¹⁷⁵ См. Л.С. Выготский. «Развитие высших психических функций». Изд. АПН, М., 1960 г.

¹⁷⁶ В.А. Вагнер, «Этюды по сравнительной психологии», Л., 1925 г., вып. 4, стр. 54.

Выступая против оправдания некоторыми буржуазными социологами зол общественной жизни (войны, нищета, конкуренции и т.д.) законами биологии, отмечая возрастающую роль разума, Вагнер сам не раз впадал в биологизаторскую трактовку человеческой деятельности. Так, например, он предполагал, что естественный отбор не утратил своего значения и в условиях общества, обеспечивая дальнейшее приспособление человека к требованиям последнего. Вагнер несколько преувеличивал и роль унаследованных психических способностей по сравнению с приобретенными.

Вот как, например, ученый трактует факт рассеянного внимания мальчика «культурной расы» (Николеньки из произведения Л.Толстого «Детство и отрочество»): «... Известно, что из охоты Николеньки ничего не вышло, он прозевал. Дикарь-ребёнок в его положении такой ошибки никогда не сделает. Объясняется это тем, что разумные способности ребёнка культурной расы зашли далеко за узкие пределы стоящей перед ним задачи: его внимание отвлекают предметы, на которые дикарь-ребёнок не обратил бы внимания; и не делает он этого потому, что деятельность его — не столько акт разума, сколько инстинкта».¹⁷⁷

По Вагнеру, следует, что психический акт устойчив тогда, когда он органически связан с врожденной основной поведением. Ребёнок дикаря в филогении стоит ближе к животным, отсюда, такой инстинкт, как инстинкт выжидания добычи, у него более развит, чем у ребёнка «культурной расы», у которого он подавлен множеством индивидуальных наслоений. Перед нами типичная для всего естественно-научного материализма биологизаторская интерпретация человеческого поведения, для которого человек как субъект истории не существует.

На заре человечества (стадия австралопитеков) может и имели определённое место биологические законы, когда круг осознаваемого у людей был узок и отличался недостаточной полнотой, когда они слабо сознавали свои отношения к коллективу, когда появляется лишь начало сознания того, что человек вообще общественное существо. «Начало это, — как говорит Маркс, — носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, что его инстинкт осознан».¹⁷⁸ Этого нельзя сказать о стадии краманьонского человека, который «обладал всеми морфологическими свойствами, необходимыми для процесса дальнейшего безграничного общественно-исторического развития человека, — процесса, теперь уже не требующего каких-либо изменений его наследственной природы».¹⁷⁹

В дальнейшем, в процессе материального производства и языкового общения, формирующегося в совместной трудовой деятельности, сознание отражает не только их отношение к природе, а также и друг к другу.

Однако, несмотря на то, что Вагнер из-за ограниченности мировоззренческих позиций не смог до конца решить проблемы человеческой психологии, его имя, как имя крупного естествоиспытателя — материалиста, верно подошедшего к вопросам общей эволюции психики, может быть поставлено рядом с именами тех (Сеченова, Павлова), кто направил психологию на научный путь.

В противоположность антропоморфизму и механицизму, Вагнер разработал объективный биологический метод исследования поведения животных, в основе которого лежит эволюционный принцип. Суть его — в прослеживании эволюции психики животных в сравнении их не с человеком и не с простейшими, а с жизнедеятельностью родственных им (в эволюционном плане) групп. Сам ученый свой метод определяет следующим образом: «Натуралист должен помнить, что животные организмы, в смысле их психологии, не представляют существ изолированных, что они связаны между собою многочисленными нитями; из чего следует, что для понимания психики одного из них, или одной из групп, необходимо сравнение её представителей не с конечной формой живых существ, и не с начальной, а с формами, непосредственно предшествующими данной группе и за ней следующими.»¹⁸⁰ Но, по его мнению, «недостаточно сравнения явлений психики одних животных с другими в их конечном развитии, необходимо ещё сравнение этих явлений жизни одного животного в разные стадии его развития друг с другом, начиная с первых моментов её проявления до последних».¹⁸¹

Биологический метод Вагнера предполагает три пути исследования: 1) путь — филогенетический, заключающийся в установлении генетической связи психики животных в процессе эволюции; 2) путь этногене-

¹⁷⁷ В.А. Вагнер, «Возникновение и развитие психических способностей», Л., 1927 г., вып. 5, стр. 61.

¹⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, М., 1955 г., стр. 30.

¹⁷⁹ Я.Я. Рачинский и М.Г. Левин. Основы антропологии, М., 1955 г., стр. 296.

¹⁸⁰ В.А. Вагнер, «Биопсихология и смежные науки», Пр., 1923 г., стр. 58.

¹⁸¹ В.А. Вагнер, там же.

тический, изучающий психику животных по материалу отдельных индивидуальных периодов их жизнедеятельности; 3) третий путь состоит в исследовании индивидуальных колебаний отдельных психических форм у данного вида животных.

Рассмотрим, как Вагнер применил объективный биологический метод в исследовании конкретных форм поведения, в частности, инстинкта.¹⁸²

Прежде всего, пользуясь третьим приёмом, учёный устанавливая тип данного инстинкта и его колебаний, тем самым подготовив материал для первых двух методов. Необходимость этой работы вытекает из известных индивидуальных колебаний поведения животных внутри вида. Как для опытного исследователя нет двух вполне тождественных животных, так и инстинкт одной особи как-то отличается от инстинкта другой. Для установления генетической связи инстинктов друг с другом у той или иной группы животных в течение их индивидуальной жизни, по Вагнеру, важно знать, что является типом данного инстинкта, и что — его индивидуальными колебаниями. Для решения этой задачи учёный прибегал к статистическому приёму, который всегда применялся при изучении явлений изменчивости. Допустим, что данный инстинкт складывается из ряда различных действий. Наблюдая их проявления у возможно большего числа особей, Вагнер заметил, что одни из них более или менее стереотипны для всего вида, эту группу действий он обозначил через «а». Второе действие «в» — однообразно для большинства особей, но у некоторых животных наблюдались отклонения от шаблона. Его он выражал на языке букв то через $v + t$, то — $v + p$, $v + k$ и т.д. Подобным же образом, третье складываемое инстинкта имеет вид то «с», то $c + S$, то $C + O$, $C + P$ и прочее. В результате можно получить сложное уравнение:

$$a + (v + t + p + k) + (C + S + O + P) + (d + e + n),$$

которое достаточно полно отражает содержание видового поведения. Если из уравнения отбросить буквы, показывающие колебания инстинкта, получается уравнение — $(a + v + c)$, соответствующее типу данного инстинкта.

Индивидуальные колебания, отмеченные Вагнером, часто принимались за разумные действия животных. Учёный с этим не согласен. «Факты доказывают нам, что колебания эти представляют не продукт целенаправленного поведения животных, а лишь элементы более или менее сложного шаблона каждого данного инстинкта».¹⁸³

Выше названная схема даёт возможность, по Вагнеру, установить тип и колебания инстинкта не только внутри того или иного вида, но и семейства, рода, отряда, класса и т.д.

Определив общее и индивидуальное в поведении животных, исследователь, естественно, отразится установить генетическое единство инстинктов родственных (в эволюционном плане) их групп. Это он делает при помощи филогенетического приёма. Исследуя продукты жизнедеятельности животных (гнезда, коконы и т.д.), Вагнер заметил, что они «в подавляющем большинстве случаев бывают сходными у близко родственных между собой групп; животные же, далеко стоящие друг от друга в систематике, имеют постройки различного типа».¹⁸⁴ Так, например, изучив строительные инстинкты пауков рода *Vucosa* (куда относятся тарантулы), установив типическое и индивидуальное в их поведении, учёный обнаружил два ряда филогенеза их строительных инстинктов. К первому ряду он отнёс виды, имеющие однотипный кокон, но всё более и более усложняющие своё логово; ко второму ряду им отнесены виды, не делающие логова, и коконы которых систематически уменьшаются в объеме.

Подобные филогенетические ряды строительных инстинктов Вагнер установил и для других животных (беспозвоночных и позвоночных). От изучения видовых инстинктов учёный предлагает перейти к изучению их у родов одного и того же семейства, что даёт возможность понять эволюцию родовых инстинктов. Именно таким путем ему удалось разобраться в сложных строительных инстинктах водяного паука (*Agaroponeta aquatica*)¹⁸⁵ и показать, что, несмотря на их оригинальность, они обнаруживают генетическую связь с подобными же инстинктами близких к ним родов.

¹⁸² См. его работы:

1. «Индустрия *Araneina*», СПб, 1894 г.

2. «Биологический метод в зоопсихологии», Пр., СПб. Общ. Ест., т. 33, 1901 г.

3. «Биологические основания сравнительной психологии», СПб, 1910 г., т. 1.

¹⁸³ В.А. Вагнер «Биологические основания сравнительной психологии», СПб. 1910 г., т. 1, стр. 280.

¹⁸⁴ В.А. Вагнер, «Биопсихология», т. 1, стр. 365.

¹⁸⁵ См. его работы: «Водяной паук, его индустрия как материал сравнительной психологии» СПб, 1901 г.

Таким образом, нельзя не признать, что в лице этого метода (филогенетического) наука имела и имеет надежный путь исследования «и прекрасное средство для выяснения генезиса поведения».¹⁸⁶

Большое место в исследовании поведения животных Вагнер отводил онтогенетическому приему, дающему возможность проследить генезис инстинктов в период индивидуального развития животных. Говоря об эволюции инстинктов, следует отметить, что под этим Вагнер понимал не усовершенствование одного и того же инстинкта в течение индивидуальной жизни особи, а замену одного другим.

Казалось бы, о какой индивидуальности может идти речь, если поведение животных — трафарет? Но, по Вагнеру, это только видимость: во-первых, потому что внутри вида действия их пластичны в промежутках между стереотипными актами, Вагнер наблюдал массу индивидуальных колебаний, без учёта которых нельзя понять ни эволюции видового поведения, ни специфики отдельного вида.

Во-вторых, ученый обращал внимание и на тот факт, что один и тот же инстинкт в зависимости от возраста животного проявляется в разных формах. Например, общепринятым явлением у пауков, как и у всех членистоногих, снабжённых твердым хитиновым покровом, является процесс линьки. Инстинкты, связанные с ним, однако, различны у разных возрастных групп пауков.¹⁸⁷ Самые молодые паучки линяют прямо на теле матери, отыскивая наиболее безопасное для себя место. Более взрослые особи линяют или на стенке материнской норы, или в тех или иных естественных почвенных углублениях, принимая при этом некоторые меры предосторожности. Наконец, взрослые пауки строят специальные норы, вход которых в период линьки закупоривается в целях защиты от врагов.

Каждый из выше названных инстинктов наследственно заменяет или вытесняет инстинкт предшествующей стадии. Подобная замена особенно ярко проявляется тогда, когда один инстинкт сменяется другим, совершенно ему противоположным. Вагнер приводит пример, как у молодых паучков некоторых видов инстинкт собираться в кучу заменялся непримиримой враждой друг другу, которая часто заканчивалась гибелью одних из них.

Смена одного инстинкта другим у животных — факт чрезвычайно распространённый в природе. В этом отношении онтогенетический метод имеет широкое поле исследования. Знание онтогенеза животных представляет интерес и в том смысле, что согласно биогенетическому закону, развитие особи (онтогенез) — есть краткое и неполное повторение развития вида (филогенез). Вагнер, исследуя жизнь пауков, установил, что эволюция их строительных инстинктов в период индивидуальной жизни во многом повторяет картину их видового развития.

Таковы основные пути эволюционно-биологического метода, выдвинутого Вагнером, каждый из которых, даже отдельно взятый, представляет надежное орудие в исследовании психики животных и человека. Но результат более ощутим, если они применяются в комплексе. Метод Вагнера поставил русскую сравнительную психологию на строго научный путь и впервые ввел в нее объективный, эволюционный принцип, нашедший дальнейшее развитие в трудах советских зоопсихологов: Н.Н. Ладыгиной-Котс, Г.С. Рогинского, С.М. Малышева, Л.Е. Аренса, Пузановой — Малышевой, В.А. Аксёнова и других. С.М. Малышев конкретно применил метод Вагнера, проследив эволюцию материнского инстинкта оообразных и тем самым показав, каким образом полезные отклонения в инстинкте (в данном случае — материнском), закрепляясь естественным отбором, приводили к более совершенным инстинктам, служащим сохранению и процветанию вида.¹⁸⁸

¹⁸⁶ Ю. Филиппенко «Предмет зоопсихологии и её методы», сб. «Новые идеи в философии», СПб, 1913 г., № 9, стр. 21.

¹⁸⁷ См. его работы: «О тарантуле», 1898 г.

¹⁸⁸ См. С.М. Малышев «Пути и условия эволюции оообразных», Док. АН СССР, 1949 г., т. XIV, №4.